

Рассылается по специальному списку

№ 000041

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Выпуск второй

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1981

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

**МАРКСИЗМ
В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

Выпуск второй

STORIA DEL MARXISMO

Volume secondo

IL MARXISMO NELL'ETA DELLA SECONDA INTERNAZIONALE

**Giulio Einaudi editore
Torino — 1979**

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Перевод с итальянского

Выпуск второй

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1981

СОДЕРЖАНИЕ

ВИТТОРИО СТРАДА

Полемика между большевиками и меньшевиками о революции 1905 года

9 9

1. Русская социал-демократия и Европа..... 10
2. Аграрный вопрос..... 12
3. Классы и государство в революции..... 17
4. Социализм и «буржуазная» демократия..... 25
5. «Военная партия» и «массовая партия»..... 29
6. Раскол между меньшевиками и большевиками на V съезде РСДРП..... 37
7. Троцкий, Парвус и «перманентная революция»..... 39
8. Партия и революция — тезис Ленина..... 45
9. «Антиафодническая» полемика меньшевиков..... 49
10. Якобинство и ленинизм..... 53

ЮТТА ШЕРРЕР

Боданов и Ленин: большевизм на распутье

1. Угроза раскола в большевизме..... 64
2. Политическая «картина мира»..... 70
3. Агитация и пропаганда..... 75
4. «Пролетарская культура»..... 82
5. Коллективизм — идеология будущего общества..... 98
6. Философия пролетарской борьбы..... 108

МАССИМО САЛЬВАДОРИ

Германская социал-демократия и русская революция 1905 года. Дискуссия о массовой забастовке и «различиях» между Востоком и Западом

1. Истоки разногласий..... 117
2. Русская революция и обстановка в Германии..... 119
3. Разногласия между партией и профсоюзами..... 121

4. Каутский: Германия между Россией и Соединенными Штатами	135
5. Роза Люксембург: «уроки» России	143
6. Парвус: русская революция и рабочая демократия	152
7. Бернштейн: государство и общество на Востоке и на Западе	159

АНДЖЕЙ ВАЛИЦКИЙ

Польский марксизм в конце XIX — начале XX века

1. Первое поколение польских марксистов	167
2. Национальный вопрос и социализм в отсталой стране	169
3. Проблема познания и истинность	174
4. Прошлое и настоящее	178
5. Келлес-Крауз и национальный вопрос	183
6. «Философия труда» Бжозовского	187

ВАЛЕНТИНО ДЖЕРРАТАНА

Антонио Лабриола и внедрение марксизма в Италии

1. Колебания в истолковании и оценке	192	192
2. Грезы итальянской революции	194	194
3. Кризис и отход от политики	198	198
4. От умеренной ориентации к социалистическому радикализму	204	204
5. Зрелый марксист	214	214
6. От написания «Очерков» до «кризиса марксизма»	224	224

ГРЕГОРИО ДЕ ПАОЛА

Жорж Сорель: от метафизики к мифу

1. Годы идейного формирования	236
2. Марксизм как «новая реальная метафизика»	241
3. Марксизм как философия действия	249
4. Марксизм как миф	257
5. Успех Сореля и сорельянисты	266

ЭНДРИО АРАТО

Антиномия классического марксизма: марксизм и философия

1. Материализм как всеобщее мировоззрение: Энгельс, Плеханов и Ленин	271
2. Исторический материализм: Лабриола и Каутский	289

3. «Критика» и этика: Кант и Маркс.....	301
4. Судьба диалектики в рядах социалдемократии.....	320
5. Сорель и антиномии марксистской мысли.....	333
6. Неустрашимый дуализм.....	340

АНДРАШ ХЕГЕДЮШ

Аграрный вопрос

1. Маркс об аграрном и крестьянском вопросе.....	344
2. Аграрная программа социализма и I Интернационал.....	349
3. Попытки ревизии аграрной программы.....	354
4. Полемика вокруг тезиса о «невозможности выживания» мелкой и средней крестьянской собственности.....	358
5. Марксизм и аграрный вопрос в Восточной Европе.....	361

РЕНЕ ГАЛЛИСО

Дискуссии о нации и национальности в рабочем движении

1. Национальный вопрос: пробел в марксистском анализе.....	367
2. «Горизонты 1848 года»: исторические нации и народы без истории.....	373
3. Ирландия как исключение и уроки I Интернационала.....	379
4. «Капиталоцентризм» и незавершенность исследования национальности.....	385
5. Национальный этатизм и его первая теоретическая разработка у Каутовского.....	392
6. Кошмар национализма во II Интернационале.....	399
7. Национализм и национальное освобождение: от Розы Люксембург к Джеймсу Коннолли.....	401
8. Австрийский компромисс и дискуссия в России (1898—1905).....	410
9. Отто Бауэр и национально-культурное развитие.....	426
10. Революционный централизм и право на самоопределение или национальную автономию и демократия.....	436

ФРАНКО АНДРЕУЧЧИ

Колониальный вопрос и империализм

1. Колониальный вопрос, угнетенные народы и «крах» капитализма.....	454
2. Мировая политика и капитализм конца столетия.....	463
3. Империализм.....	471

МАДЛЕН РЕБЕРЬО

Дискуссии о войне

1. Теоретические обоснования.....	480
2. Разработка вопроса о войне и мире: с 1848 года до I Интернационала	484
3. «Единственно подлинная партия мира».....	490
4. Экономические противоречия и милитаризм.....	493
5. На рубеже века: Weltpolitik и заморские войны.....	498
6. Штутгарт: последнее проявление единства Интернационала	502
7. Какая война?.....	507
8. Война война.....	512
9. Война или революция?.....	514
10. Крах Интернационала.....	519

Рене Галлисо

ДИСКУССИИ О НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Принятая в 1869 году Эйзенахская программа — первая программа зарождавшейся германской социал-демократии, вдохновлявшаяся идеями Маркса и получившая его одобрение, — отвергла необходимость рассмотрения национального вопроса, объявив его чисто буржуазным. Подобная формулировка, конечно, не была чем-то новым, во всяком случае, она согласуется с содержащимся в «Манифесте Коммунистической партии» утверждением о том, что «рабочие все имеют опечаленный»¹. При всем том, что эта весьма ясная формулировка сопровождалась различными оговорками, разъяснявшими, что «...по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной»², она тем не менее служила принципом, на который постоянно ссылались непримиримые интернационалисты; для них пролетарский интернационализм — это основной критерий марксизма. Но что же такое на самом деле пролетарский интернационализм?

1. Национальный вопрос: пробел в марксистском анализе

Быть может, до сих пор недостаточно обращалось внимания на тот факт, что, если не считать лирического призыва к пролетариям всех стран объединяться, определение, которое Маркс дает пролетариату, является отрицательным, поскольку положительная сторона последнего еще только должна проявиться в будущем. Это обнаружилось после того, как Маркс избавился (если, конечно, считать, что он полностью вообще избавился) от своего философского определения пролетариата как спасителя всего человечества в своих работах, посвященных экономическому анализу, таких, как «Наемный труд и капитал» (1848—1849), «Заработная плата, цена и прибыль» (1865), а также в разных подготовительных работах к «Капиталу». Именно поскольку рабочий класс лишен собственности и не раздраем частным интересом, считается, что он склонен проявлять солидарность; последняя развивается благодаря общности труда, являющейся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 444.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 435.

в первую очередь общим условием эксплуатации и лишь во вторую очередь — объединением через производство производственной жизни. Кроме того, данная потенциальная близость людей должна еще выдержать натиск конкуренции из-за поиска рабочего места, конкуренции, которая постоянно воспроизводится под давлением фактора, получившего в «Капитале» название «перенаселения». Вот почему с таким трудом формируется основополагающее интернационалистское ядро классового сознания. При этом необходимо иметь в виду, что классовое сознание не развивается постоянно по восходящей линии, в ходе данного процесса возможны провалы, деформации и уклоны, связанные с расколами и расслоениями внутри рабочего класса, потрясениями на рынке труда и соотношением сил между различными классами. Мы не говорим уже о том, что первоначальной средой, в которой происходит рост сознания, являются такие коллективные социальные образования, как семья, где человек воспитывается, деревенская община, откуда выходит рабочий, культура городской бедноты, национальная лингвистическая и политическая среда, — а все это марксистский философский и экономический анализ обошел молчанием, полагаясь лишь на классовый принцип. По этой причине марксистскую концепцию следует ограничить противоречиями развития рабочего класса и эволюцией рабочего движения.

В 1869 году Маркс в своих выступлениях на Генеральном совете Международного товарищества рабочих (I Интернационал), а также в переписке с Энгельсом, Мейером, Фогтом и особенно Кугельманом подчеркивал, что в Ирландии речь идет не только об экономической проблеме, но и о национальном вопросе, и прибегал к формулировке, однажды уже использованной в 1847 году в связи с разделом Польши: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации». Таким образом, национальный вопрос выдвигался на первый план для того, чтобы освободить английский рабочий класс от положения, подчиненного образу мышления английской буржуазии, иными словами — от националистического затемнения его классового сознания. Вот почему провозглашалось, что освобождение Ирландии — это теперь «первое условие» его собственного социального освобождения¹. Маркс и Энгельс, однако, придавали такое значение национальному вопросу (причем не без колебаний) только в отношении двух наций — Польши и Ирландии, оправдывая этот свой подход сугубо стратегическими соображениями: Россия — это исключительно реакционная держава, Англия же — страна, где возможна пролетарская революция.

¹ См. письмо К. Маркса к Л. Кугельману от 29 ноября 1869 года (Ж. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, с. 531).

Однако теоретическое объяснение этого вопроса отсутствует. Ни Маркс, ни Энгельс не рассматривают национальный вопрос как таковой. Они ограничиваются тем, что объявляют себя сторонниками той или иной национальности, более того, высказываются за или против существования того или иного народа. Однако все эти заявления суть выражения позиции в рамках текущей политической практики. Таким образом, марксизм остался без какой-либо концепции нации, увязанной с логикой способов производства и классовой борьбы, хотя классовая борьба признавалась основой истории, а с универсальной точки зрения пролетарской революции интерпретировалась в качестве ее становления¹.

Именно в этом и заключается проблема, которую пытаются разрешить (или же отрицать) современные марксисты, ибо национальный вопрос и в Европе, и во всем остальном мире на протяжении XX века продолжал оставаться актуальным в такой степени, что даже революции, ставившие социалистические цели, были совершены в обстановке мировых войн и национальных революций, а ход мировой истории сопровождался крупными националистическими столкновениями; наконец, даже сегодня страны, называющие себя социалистическими, ведут между собой борьбу с позиций силы, в ходе которой нелегко провести различие между тем, что характерно для национально-освободительной борьбы, и тем, что обусловлено государственными интересами, пусть облеченными в терминологию мирового социализма. Налицо тот факт, что оправдания и возражения различных марксизмов (ибо не существует какого-то единообразного марксизма) находятся на грани прагматизма, служат своеобразной иллюстрацией партийных или фракционных позиций. Такое положение особенно характерно для сегодняшней обстановки, но таким оно было уже в период II Интернационала, до Октябрьской революции, который и является предметом настоящего исследования.

Тогда выбор позиции был детерминирован ирландским и польским вопросами, а также конфликтной ситуацией, порождавшейся внутренним положением в многонациональных Российской и Австро-Венгерской империях или же в Османской империи, вплоть до появления Восточного вопроса. От-

¹ По этой проблеме см., в частности, исследование: *G. Haupt, M. Lowy, C. Weill. Les marxistes et la question nationale (1848—1914)*. Paris, 1974; см. также *F. Bloom. The World of Nations. A Study of the National Implications in the Work of Karl Marx*. New York, 1941; *H. B. Davis. Nationalism and Socialism. Marxist and Labor Theories of Nationalism to 1917*. — In: "Monthly Review Press", 1967; *M. Robinson. Le marxisme et la nation*. — In: "L'homme et la société", 1968, № 7; *A. Yaari. Le défi national. Les théories marxistes sur la question nationale à l'épreuve de l'histoire*. Paris, 1978; *E. Cahm and V. C. Fiserá (ed.) Socialism and Nationalism*. Nottingham, 1978.

дельные, отталкивавшиеся от господствующего прагматизма теоретические разработки, которые были осуществлены, в частности, в пришедшем в движение регионе Центральной и Восточной Европы¹, представляют в силу своей исключительности особую ценность для того периода времени не столько в качестве формулировки позиции по национальному вопросу или в защиту так называемых национальных интересов, сколько как попытка изучить проблему. Мы не ставим себе цель подвести общий итог дискуссии по национальному вопросу, ибо при таком подходе пришлось бы, конечно, пожертвовать теми авторами, которых современная марксистская политическая публицистика не возвела в ранг теоретиков, хотя они и были проводниками идей и главными действующими лицами политических баталий своего времени. Наша цель — показать процесс разработки национального вопроса. Для этого необходимо будет вспомнить Карла Каутского и Отто Бауэра, затем, переходя от Центральной Европы к России, Бера Борухова и Владимира Медема, Розу Люксембург и Ленина, вплоть до систематизации Сталина, столь упростившего проблему, что долгое время она оставалась закрытой.

Действительно, на протяжении длительного времени центральное место занимал Каутский: на его интерпретацию национального вопроса и на предложенные им прагматические решения этого вопроса опирались, по сути, все другие исследования. Каутский был рупором марксистской традиции, да и сам Ленин в значительной мере сформировался на его писаниях. Именно Каутский в своих неоднократных высказываниях по национальному вопросу — начиная с 1887 года, когда он говорил о «современной национальности», и кончая 1917 годом, когда вел речь об «освобождении наций», — пытался вывести из марксистского наследия, опираясь на экспликативные принципы экономического характера, концепцию нации, но вынужден был признать невозможность понять эту социальную категорию. «Национальность, — писал он в «Нойе цайт» 18 января 1908 года, — это некое социальное отношение, постоянно модифицирующееся и приобретающее в разных условиях весьма различное значение, это какой-то Протей, ускользающий у нас из рук всякий раз, когда мы пытаемся его поймать, но, несмотря на это, постоянно присутствующий в нашей жизни и оказывающий на нас мощное воздействие».

Это последнее замечание Каутского выглядит чуть ли не уступкой Отто Бауэру, опубликовавшему в 1907 году работу «Национальный вопрос и социал-демократия», — работу,

¹ H. Mommsen. Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage in Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 1963.

которую также можно считать существенным вкладом в дискуссию по национальному вопросу, объясняющим внимание к проблеме культурной автономии в Австро-Венгрии и попыткой определить национальность в качестве внетерриториального сообщества (как раз такая интерпретация имела особое значение для Бунда в качестве решения еврейского вопроса). Однако конструктивистские выкладки Борухова, сформулированные в 1905—1906 годах, подготовили другой взгляд на национальный вопрос в соответствии с разработанным в России учением марксизма о законах капиталистического развития, эксплицитно являющегося развитием экономическим, а имплицитно — территориальным и государственным; это ясно видно на примере того, что писал, опираясь на Плеханова, Ленин в своем исследовании «Развитие капитализма в России», относящемся к 1898 году. На этом фоне очень скоро произошло — из-за разногласий по вопросу об организационных принципах построения партии и под влиянием желания найти политическое решение национального вопроса накануне революции — размежевание между Розой Люксембург и Лениным, у которого новые нотки в размышлениях по национальному вопросу зазвучали лишь гораздо позднее, под воздействием опыта империалистической войны, а затем и несбывшихся надежд на революцию на Западе (эти надежды впредь стали возлагаться на национальные движения народов Востока) и, наконец, когда было уже слишком поздно, под влиянием его «последнего боя», данного великорусскому национализму.

Победа революции в России — и только в России, да еще в особых условиях, — но главным образом сведение марксистской ортодоксии к советскому сталинскому марксизму, будь то под вывеской ленинизма или марксизма-ленинизма, превратили в догму и в теоретическую «сокровищницу» текст, который первоначально был всего лишь длиннющей журнальной статьей под названием «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913), потом брошюрой под заглавием «Национальный вопрос и марксизм» (1914) и в конце концов трудом «Марксизм и национальный вопрос» в собрании сочинений Сталина и великим вкладом Сталина в марксизм. Конечно, сопоставление критериев в одном определении и четкость формулировок — немаловажный элемент их силы проникновения. Но изменение названия статьи и обобщающее звучание заголовка брошюры вводят в заблуждение относительно первоначального назначения этой работы, состоявшего всего лишь в том, чтобы дать обоснование позиции большевиков, позиции, несовместимой с любой другой позицией, ибо тогда было необходимо прежде всего отстаивать единство партии, то единство, которое Сталин при первом приближении к этой теме в 1904 году называл «политическим цент-

рализмом». Лишь много лет спустя, да и то под прикрытием абстрактной декларации о праве на самоопределение, появилась возможность поговорить о региональном управлении, а потом, в 1922 году, также о федерации и об автономии. Экстраполяция сталинской концепции за рамки истории и даже сведение ее смысла к подчинению задачам партии привели к тому, что на протяжении долгих лет существовала уверенность, будто получено наконец марксистское решение национального вопроса, ибо считалось, что найден ключ, открывающий все замки; в результате было упущено из виду даже то, что было в этой концепции ценного, то, что можно было бы применить к развитию капитализма в странах атлантической Европы в качестве «категории восходящего капитализма», на что, в частности, уже задолго до Сталина и с гораздо большей проникновенностью указывали К. Каутский и О. Бауэр, но в этом состояла также и ограниченность этой концепции.

Преувеличения Сталина привели как к забвению роли Каутского, первым начавшего ее разработку, так и к пренебрежению заслугами О. Бауэра и полному игнорированию Борухова (если, конечно, исключить тот факт, что в узкой сфере еврейской и сионистской мысли сохранялся до известной степени культ личности Борухова), тогда как воспоминания о роли Бунда остались только в связи с полемикой, которую вел против него Сталин. Тем не менее реставрация этой теоретической связи грешила бы тем же недостатком, что и попытки ограничиться только реабилитацией Бауэра или Борухова. Если марксизм обеднили в результате нормативного экстраполирования, то необходимо вернуть его истории в том двойном плане, благодаря которому, как показал Г. Гаупт, марксизм через понятие практики пересекается с историей: с одной стороны, это случайности, обусловленные местом действия и противоречиями, в общем и целом обстановка, объединяющая и противоположающая рабочее движение и национальные движения, а с другой — слияние и появление идей в ходе политической борьбы, что представляет собой сферу марксистского исследования общества и истории, которое всегда оказывается незаконченным¹.

Необычайное брожение национальных противоречий и связанное с ними невероятное кипение страстей и идей, интеллектуальная смелость, обновляющая эстетику и науки, — все это привело к тому, что Центральная и Западная Европа — как в пределах, так и за пределами влияния II Интернационала — явилась крупным центром истории марксизма и исследовательской работы по национальному вопросу. То,

¹ См. введение Г. Гаупта (написанное совместно с К. Вейлем) в публикации: *G. Haupt, M. Lowy, C. Weill. Les marxistes et la question nationale (1848—1914)*. Paris, 1974.

что сегодня называют кризисом марксизма, кризисом, возникшим отчасти из-за недооценки государственного принуждения и силы национализма, а следовательно, из-за недостаточности анализа национальной реальности и в равной мере в результате таких более серьезных факторов, как влияние национализма на рабочее движение и превращение социализма в государственную идеологию, свидетельствует только об одном — о тяжести нанесенного марксизму ущерба. Вот почему следовало бы теперь взглянуть на причину такого положения глазами историка.

2. «Горизонты 1848 года»: исторические нации и народы без истории

Наследие первоначального марксизма по тому, что считают национальностью и нацией, таким образом, не являлось плодом добровольной и синтетической разработки этой проблемы — оно было прежде всего результатом установленной Марксом и Энгельсом связи европейского демократического национального движения, в частности движения в германской Европе, с «горизонтами 1848 года»¹. Оно связано также с деятельностью Маркса и Энгельса в I Интернационале в поддержку дела ирландцев и поляков, обнажившего противоречия между национальным вопросом и национализмом внутри самого рабочего движения. Вклад Маркса и Энгельса в разработку этой проблемы и оставленные ими при ее анализе пробелы можно объяснить, отталкиваясь от их фундаментальной концепции развития капитализма, являющегося результатом всемирной истории и предпосылкой социализма; они были настолько поглощены разработкой этой концепции, что оставили незаконченным исследование национального вопроса. Тезис о национальном государстве, имплицитно принятый с самого начала, постепенно все больше утверждал себя и в конце концов стал базой для создания II Интернационала, состоявшего из партий, пользующихся признанием в рамках существующих государств. В этих условиях, когда едва ли не окончательно была закреплена организационная и стратегическая линия рабочего движения, Каутский стал первым, кто предпринял попытку придать стройность и последовательность марксистской теории современной национальности.

«...Победа английских пролетариев над английской буржуазией имеет решающее значение для победы всех угнетенных над их угнетателями» — таков вывод, сделанный Марксом в речи, произнесенной в Лондоне 29 ноября 1847 года по

¹ G. Haupt e C. Weill. L'eredità di Marx ed Engels e la questione coloniale. — In: "Studi storici", 1974, p. 270—324.

случаю годовщины польского восстания 1830 года¹. То было время, когда писался «Манифест Коммунистической партии», время кануна «весны народов» 1848 года, и молодой марксизм, выступавший тогда от имени пролетариата несколько философски, попытался совместить рабочее движение, которое, несомненно, стояло на первом месте, с движением национальным.

Но Маркс и Энгельс были воодушевлены событиями в Польше и до такой степени разделяли накалившиеся демократические страсти с членами польских эмигрантских ассоциаций в Лондоне, Париже и Брюсселе, что в Кельне Маркс, например, предпочел примкнуть к Демократической ассоциации, а не к коммунистическому союзу или партии. Итак, впервые Маркс и Энгельс соприкоснулись с национальным вопросом в момент воспевания ими классовой борьбы и в рамках немецкого демократического движения, возлагавшего надежды на «Великую Германию», пока не наступило разочарование из-за Франкфуртского парламента и не развеялись все иллюзии под ударами контрреволюционных репрессий. На страницах «Новой Рейнской газеты» Маркс и Энгельс формулировали свою позицию перед лицом национальных восстаний в Центральной Европе, выступая главным образом против вмешательства царской России, представлявшей им последним жандармом Священного союза. Они высказывались в пользу восстановления Польши, сохранения Австрии в ущерб чехам, реставрации Венгрии в ущерб хорватам и даже заявляли о желательности исчезновения южнославянских национальностей, «которые история уже в течение столетий влечет за собой против их собственной воли» и которые «неизбежно должны быть контрреволюционными»². Тон их выступлений становился крайне презрительным, когда они говорили о панславизме, который «по своей основной тенденции направлен против революционных элементов Австрии и потому... заведомо реакционер»³.

Именно участие Маркса и Энгельса в событиях 1848 года лежало в основе предложения Энгельса делать различие между «историческими» нациями и народами «без истории», то есть не имеющими исторического опыта государственности и приговоренными историей к исчезновению,—говоря вообще, этим же объясняется и отрицательное отношение Маркса и Энгельса к национализму, хотя они и не порывают со своими демократическими обязательствами, взятыми, например, в отношении Польши⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 372.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 293.

³ Там же, с. 181.

⁴ См.: R. Rosdolsky. Engels und das Problem der "geschichtlosen" Völker. — In: "Archiv für Sozialgeschichte", IV, 1964.

Энгельс писал, что четко определившимися великими историческими нациями Европы, нациями, несомненно, «жизнеспособными», являются Франция, Испания, Скандинавия, Англия, Италия, Польша, Германия и Венгрия. Однако только первые четыре, как считал Энгельс, — уже сформировавшиеся национальные государства, а остальные заслуживают полного суверенитета; Германия и Италия должны снова найти для себя место, обеспеченное им прошлым, путем объединения, а Польша и Венгрия — два поработанных народа — выстояли, несмотря на ассимиляцию, и, следовательно, способны вести независимое национальное существование. Другие же народы потеряли свою «политическую жизнеспособность». Таковы, например, чехи — умирающая национальность, которую следует отнести к нациям без истории, к народам, у которых никогда не было ни истории, ни необходимой энергии. Эти последние представляют собой «натуральные», крестьянские, варварские народы, какие-то остатки народов и этнографические экспонаты; таким народам, по примеру Окситании, включенной в состав Франции, поглощение их Германией или Венгрией даст в качестве компенсации «демократию».

Характерная черта, обесценивающая южнославянские и балканские народы, согласно статьям Энгельса в «Новой Рейнской газете», следующая: это народы, которые должны исчезнуть, так как они являются «главным орудием контрреволюции»¹. Таким образом, за выделением народов без истории и за естественным отбором сильных государств скрывается другое различие — деление наций на революционные и контрреволюционные, а поскольку такое деление изменчиво и зависит от конъюнктуры, то состав полярных групп государств может подвергаться некоторым изменениям. И хотя впоследствии Маркс и Энгельс признали ограниченность своих этнологических познаний, их сомнения относительно будущего славянских и балканских народов возросли, а оценки остались связанными с судьбами «главных государств».

Отказ в будущем чехам включен в контекст самого сурового осуждения панславизма. Было признано, что объединение славян открыло бы путь русской гегемонии. Нападки были направлены на Бакунина, который на Пражском конгрессе в июне 1848 года говорил о славянах как о «рабах земли» и восхвалял естественное право национальностей на существование и на восстание, объявив любое национальное движение угнетенных справедливым делом. Однако полемика, которую развернул Энгельс, касалась всех поборников национальных движений, считавшихся контрреволюционными или способ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 299.

ными привести к контрреволюции. Такая позиция вынудила Энгельса отмежеваться от всех национальных движений. Тридцать с лишним лет спустя он в письме Бернштейну признал: «Первоначально — поскольку все мы сперва прошли через либерализм или радикализм — мы оттуда переняли это сочувствие ко всем «угнетенным» национальностям, и я помню, как много времени на изучение мне понадобилось, пока я отделался от этого — но зато уж основательно». Но далее, во имя интересов пролетариата, Энгельс в том же письме обнаружил постоянство оценок и выбора в том, что касалось революционной стратегии: «Мы должны сообща бороться за освобождение западноевропейского пролетариата и этой цели подчинить все остальное. И какой бы интерес ни возбуждали балканские славяне и т. п., но если их освободительные стремления вступают в коллизии с интересами пролетариата, то мне до них совершенно нет дела. Эльзасцы тоже угнетены, и я буду рад, когда мы снова сбудем их с рук. Но если накануне явно надвигающейся революции они захотели бы спровоцировать войну между Францией и Германией, снова натравить друг на друга эти два народа и таким образом оттянуть революцию, то я сказал бы: «Остановитесь! Вы можете терпеть столько же, сколько и европейский пролетариат. Когда он освободится, и вы, само собой, станете свободными, а до тех пор мы не позволим вам становиться поперек дороги борющемуся пролетариату». То же и со славянами»¹.

В результате поражения революций 1848—1849 годов как в Праге, Париже и Будапеште, так и в Кёльне и Франкфурте Маркс и Энгельс в своей политике отошли от идеи союзов с демократическими силами и стали подозрительно относиться к любому национальному движению независимо от того, где оно возникло — внутри великих наций или же в немецкоязычных землях. В «Обращении», направленном в марте 1850 года Союзу коммунистов с целью возродить его к жизни, содержался призыв к бдительности в отношении мелкобуржуазных демократов и к созданию рабочей партии, «возможно более организованной... и возможно более самостоятельной» во имя того, чтобы «сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что... по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев». Если Маркс и Энгельс отвергают национализм, то государство остается в силе как пролетарское государство;

¹ Письмо Ф. Энгельса к Э. Бернштейну от 22, 25 февраля 1882 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 229 и 230).

цель революции, по их мнению, заключалась теперь в том, чтобы не только построить в Германии «единую и нераздельную германскую республику», но и добиться в ее рамках «самой решительной централизации силы в руках государственной власти»¹.

Так выглядели первые наброски идеи о диктатуре пролетариата, которая должна была бы осуществиться в условиях сохранения государства по крайней мере в развитых капиталистических странах. Эта идея займет впоследствии центральное место, несмотря на критику социалистического государства лассальянского типа. Энгельс продолжил свою разработку этой идеи в работе «Революция и контрреволюция в Германии» (1852) на основе исторических изысканий по периоду возникновения немецкой нации в ходе крестьянской войны XVI века. На этом пути, оказавшемся плодотворным, но все же не лишенном влияния национализма, вероятно, идущим от немецкой историографии, Энгельс приблизился к этнологическим представлениям о национальности, хотя стержнем и этой его позиции осталось подчинение проблемы интересам революционной партии.

Позиция, занимаемая Марксом и Энгельсом в начале 50-х годов XIX века, не только показывает их отход от демократического движения, но и, быть может, объясняет, почему они поставили под сомнение самое будущее Польши, названной Энгельсом «une nation foutue» [пропащая нация, обреченная нация. — *Ред.*]². Однако очень скоро мы снова найдем благоприятные по отношению к Польше высказывания: в Польше может произойти революция. Намек такого рода был сделан уже в «Манифесте Коммунистической партии», где говорилось о поддержке коммунистами польской партии, «которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения»³. Существование Польши Маркс считает необходимым и заявляет об этом на одном из заседаний Международного товарищества рабочих, выступая в поддержку демократического права на самоопределение. Затем в 1865 году на Лондонской конференции Маркс указал как на срочную задачу на уничтожение господствующего влияния России в Польше путем использования поляками права любого народа решать самому свою судьбу и восстановление страны на социальной и демократической основе. Восстановление Польши — одна из целей «рабочей политики».

Польский вопрос снова оказался причиной столкновения с Бакуниным. Основа аргументации Маркса и Энгельса оста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 258, 261, 265—266.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 240.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 458. См. также: С. Bobinska. Marx und Engels über Polnische Probleme. Berlin, 1958.

лась, однако, неизменной и подкреплялась тем же тезисом о народах без истории: по отношению к ним Маркс и Энгельс отказываются применять принцип национальностей, обычно используемый ими в связи с «великим вопросом о праве на национальное существование исторических народов», при этом они ставят вопрос, «что же такое панславизм, как не применение Россией в своих же интересах принципа национальностей к сербам, хорватам, русинам, словакам, чехам и другим остаткам былых славянских народов в Турции, Венгрии и Германии»¹.

Принцип восстановления независимости Польши был повторен в 1875 году с геополитической мотивировкой. «Другой причиной симпатии рабочей партии к возрождению Польши является особенность ее географического, военно-стратегического и исторического положения. Раздел Польши — вот та цель, которая сковывает между собой три большие военные деспотии: Россию, Пруссию и Австрию. Лишь восстановление Польши может разорвать эту связь и тем самым смести величайшее препятствие, стоящее на пути к социальному освобождению европейских народов»². Развитие экономики Энгельс использует в аргументации в поддержку польского дела и в 1892 году (на основе аналогичных аргументов пятью годами позже Роза Люксембург выступит с диаметрально противоположными выводами): «...Быстрое развитие польской промышленности, оставившей позади русскую, является в свою очередь новым доказательством неиссякаемой жизненной силы польского народа и новой гарантией его будущего национального возрождения»³. Таким образом, виталистическая концепция национального существования была сохранена и, быть может, даже усилена под воздействием дарвинизма. Однако двойственный политический детерминизм не претерпел изменений и по-прежнему зависит от будущего революции и от межгосударственных отношений. Впрочем, в том, что касается Польши, судя по всему, был намечен принцип необходимости национального освобождения как предварительного условия постольку, поскольку это освобождение обеспечивает развитие демократического движения в стране, считающейся «великой нацией», а также развитие рабочей революции в угнетающих странах, благодаря подрыву их консервативного деспотизма.

Правда, Маркс и Энгельс не смогли вывести понятие перехода к социальной революции от движения за националь-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 162.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 555.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 290.

ное освобождение непосредственно из своей экономической доктрины или своей исторической концепции о всемирной миссии пролетариата. Хотя их относительно неизменная позиция в поддержку независимости Польши (и скрытым образом в поддержку немецкого единства, пусть даже и осуществляемого Бисмарком) и кажется нам сегодня близкой к национально-демократическому течению, но против такого представления говорят романтические порывы и разочарования, ставящие на одну доску все проявления нетерпимости к национальному угнетению. Немецкие демократы, космополиты по своей тенденции, выступили в силу своего интеллектуального воспитания в роли апостолов социалистической революции в «главных» капиталистических государствах. В этом корни противоречия, которое в связи как с ирландским вопросом, так и с деятельностью I Интернационала превратилось едва ли не в парадокс.

3. Ирландия как исключение и уроки I Интернационала

Участие Маркса и Энгельса в разработке липни и акций Международного товарищества рабочих, главным образом в лондонском Генеральном совете, часто свидетельствует о поддержке ими двух национальных вопросов, которые в качестве таковых считаются двумя единственно важными задачами рабочего движения, о чем Энгельс счел необходимым еще раз напомнить Каутскому в письме от 7 февраля 1882 года: «...Две нации в Европе не только имеют право, но и обязаны быть национальными, прежде чем они станут интернациональными: это — ирландцы и поляки. Они более всего интернациональны именно тогда, когда они подлинно национальны»¹. Об основании I Интернационала было объявлено во время митинга в Сент-Джеймс-холле в Лондоне, созванного в честь годовщины польского восстания, а заявление о создании Интернационала прозвучало на другом митинге в поддержку Польши, состоявшемся в лондонском Сент-Мартинс-холле в сентябре 1864 года.

Однако с осени 1867 года на первый план выдвигается ирландский вопрос, считавшийся «ключом к решению английской проблемы и английским решением европейской проблемы». В этот вопрос Маркс и Энгельс оказались вовлеченными даже в личном плане, так как дочери Маркса помогали ирландским политзаключенным и поддерживали их голодовку, а Энгельс — ввиду отношений с Лиззи Бернс. Маркс был склонен ставить скорее на практическую, чем на теоретическую почву проблему прямой связи между национальным и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 222.

рабочим движениями, между национальным вопросом и социалистической революцией. В случае Польши необходимость «национального восстановления» выводилась прежде всего из демократического принципа, а развитие демократии считалось этапом на пути развития капитализма в такой же мере в Польше, как и в России, Австрии, Пруссии и Германии, политическую эволюцию которой блокировала реакционная ситуация. Считалось также, что решение польского вопроса привело бы в действие демократический процесс, обычно сопутствующий развитию экономического либерализма. Если бы такого рода движение в итоге привело к пролетарской революции, то между ними не было бы прямой причинной связи. Напротив, ирландский вопрос, как считали Маркс и Энгельс, ставит на повестку дня пролетарскую революцию.

Рабочее движение, или Интернационал, должно взять на себя решение этой национальной задачи не из демократических соображений, а именно потому, что от ее решения зависит сама его судьба. При этом, впрочем, учитывается, что ирландское национальное движение, сугубо националистическое фенианство в ответ на ужасный гнет, обрушивающийся на Ирландию, прибегает к терроризму, а английская армия, как всякая колониальная армия, может прибегнуть к репрессиям в отношении английского рабочего класса. Но это соображение рассматривалось как второстепенное, как считается второстепенным социальное и даже социалистическое значение этого движения, поскольку оно оценивается как выражение ирландского шауперизма. Правда, Маркс склонен приписывать фенианству социалистическую тенденцию, так сказать, «от противного», как движению, направленному против частной земельной собственности. Так, он писал Кугельману: «Я все более и более прихожу к убеждению, — и теперь дело в том, чтобы вкоренить это убеждение в умы английского рабочего класса, — что он никогда не будет в состоянии сделать в самой Англии решительного шага вперед, пока не порвет окончательно с политикой господствующих классов в ирландском вопросе, пока он не только не станет действовать заодно с ирландцами, но и не возьмет на себя инициативу в деле упразднения основанной в 1801 г. унии и замены ее свободным союзом на федеративных началах. И такой политики английский пролетариат должен держаться не из сочувствия к ирландцам, а потому что она является необходимой с точки зрения его собственных интересов... Каждое народное движение в самой Англии парализуется разладом с ирландцами, которые и в самой Англии составляют очень значительную часть рабочего класса». Кроме того, решение ирландского вопроса нанесло бы решающий удар по гегемонии земельной олигархии, имеющей свой «сильно укрепленный форпост» как раз в Ирландии: «...Уничтожение земельной аристократии...

произойдет там несравненно легче, чем здесь, потому что для Ирландии это не только чисто экономический вопрос, но в то же время и *национальный*, ибо лендлорды в Ирландии не являются, как в Англии, традиционными сановниками и представительными лицами, а смертельно ненавистными угнетателями национальности»¹.

Рассуждения Маркса, когда он подчеркивает значение классовых отношений и формирования сознания английских рабочих, связано с логикой капиталистического развития, как оно проанализировано в «Капитале», а также исходит из господствующего положения Англии в капиталистическом мире. В письме к Зигфриду Мейеру и Августу Фогту от 9 апреля 1870 года он писал: «Англия, как метрополия капитала, как держава, до сих пор господствующая на мировом рынке, является пока самой важной страной для рабочей революции и к тому же *единственной* страной, в которой материальные условия этой революции достигли известной степени зрелости. Поэтому важнейшая цель Международного товарищества рабочих — ускорить социальную революцию в Англии. А единственное средство к тому — сделать Ирландию *независимой*... Специальная задача Центрального Совета в Лондоне — пробудить в английском рабочем классе сознание того, что *национальное освобождение Ирландии является для него не абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, но первым условием его собственного социального освобождения*»².

Несколько выше в том же письме подчеркнуто «самое важное»: «Все промышленные и торговые центры Англии обладают в настоящее время рабочим классом, который *разделен* на два *враждебных* лагеря: английский пролетариат и ирландский пролетариат. Обыкновенный английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как конкурента, *похищающего* его уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему представителем господствующей нации и именно потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов *против Ирландии*, укрепляя этим их господство *над самим собой*. Он питает религиозные, социальные и национальные предубеждения по отношению к ирландскому рабочему. Он относится к нему приблизительно так, как белые бедняки относятся к неграм в бывших рабовладельческих штатах американского Союза. Ирландец с лихвой *отплачивает* ему той же монетой. Он видит в английском рабочем одновременно соучастника и слепое орудие *английского господства* в Ирландии... В этом *антигегемонизме* заключается *пайна*

¹ Письмо К. Маркса к Л. Купельману от 29 ноября 1869 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, с. 531).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, с. 558—559.

*бессилия английского рабочего класса, несмотря на его организованность»*¹. Возможности освобождения рабочего класса в Англии и во всем мире, возможности социалистической революции связаны, таким образом, с требованием того, чтобы английские рабочие приобрели классовое сознание. Это как раз то условие, которое не было выполнено, что и явилось одной из причин краха I Интернационала. Однако Маркс и Энгельс благодаря своему воинствующему энтузиазму долгое время сохраняли на это надежду.

Ирландский вопрос имел для Маркса и Энгельса такое исключительное значение также потому, что они впервые на этой основе вынесли на обсуждение вопрос о перспективах пролетарской революции, которую они считали возможной в скором будущем. Сами того не осознавая, они таким образом затронули один из главных узлов будущих событий: рабочая революция разразится не в сердцевине капиталистических государств, ибо рабочий класс в развитых странах будет интегрирован — точно так же, как это произошло в XIX веке в Англии, — в государство и, разделяя господствующий национализм, отдавится от революционного социализма. Речь идет не только о феномене рабочей аристократии, который был отмечен Энгельсом в предисловии 1891 года к «Положению рабочего класса в Англии» и к которому впоследствии возвращался Ленин, так как национальное отчуждение в данном случае касается всего рабочего класса Англии, а о замеченном уже тогда разрыве между реальным развитием рабочего движения, с одной стороны, и революционной теорией — с другой.

Однако ни Маркс, ни Энгельс не стали заниматься в дальнейшем проблемами, связанными с формированием классового сознания. Не оставляя ирландское дело, они тем не менее перестали считать его решающим, так как, по их мнению, революционный центр переместился в континентальную Европу. Необходимо также учитывать и то, что, хотя ирландский вопрос и был определен Марксом и Энгельсом как колониальный, идея о необходимости предварительного национального освобождения подавляемой нации все же не была распространена на заморские колонии. И хотя ужасы колониализма осуждались, колонизация, характеризующаяся бурной капиталистической экспансией, рассматривалась в рамках великого поступательного движения цивилизации². Да, конечно, сопротивление колонизации тогда только начинало приобретать черты, характерные для национального движе-

¹ Там же, с. 557—558.

² См.: R. Gallissot. *Marxisme et Algérie*. Paris, 1976.

ния. Это проявилось уже в восстании в Египте в 1882 году, возглавляемом полковником Араби, что, очевидно, ускользнуло от внимания Энгельса: именно в этот период в своих письмах он размышлял об обуржуазивании английского рабочего класса, как бы расширяя анализ ирландского вопроса, но о будущей независимости говорил прежде всего в отношении стран-колоний, а не в отношении колонизованных обществ, которые являются подлинно угнетаемыми нациями, если только за них не заступится пролетариат метрополий.

«Вы спрашиваете меня, — писал он Каутскому 12 сентября 1882 года, — что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке. По моему мнению, собственно колонии, то есть земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности»¹.

Не забудем, однако, что Энгельс добавил следующее: «Победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы». Итак, мы снова оказываемся перед логикой приоритета пролетарской революции, согласно которой решение национальных вопросов как второстепенных должно быть отложено на последующее время.

Противоречия, наметившиеся в связи с ирландским вопросом, быть может, помогут объяснить возвращение Маркса к диалектическому парадоксу при анализе, сделанном им после Парижской коммуны. Неомотря на все то, что можно было бы сказать после прочтения Маркса и его комментаторов, Коммуна была в основном национальным актом, а уж потом превратилась в рабочее дело, или, лучше сказать, Коммуна в основном ставила своей задачей обеспечение национальной обороны и с этой целью осуществляла народную власть, вдохновляясь интернационалистскими позициями рабочих. Этот демократический опыт был ограничен рамками города и не приобрел национального масштаба: в этом заключалась драма Коммуны, заметил Маркс; но, быть может, по данной причине Коммуна и оказалась одним из последних

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 297—298.

крупных проявлений городского коммунизма, по крайней мере в стране развитого капитализма. Во всяком случае, движение коммунаров шло на гребне великого патриотического порыва, и Коммуна представляется нам прежде всего высоким проявлением национального духа.

В «Воззваниях», составленных от имени Международного товарищества рабочих, и особенно в «Гражданской войне во Франции» Маркс смещает центр реальных событий и использует борьбу коммунаров, анализируемую им как взятие рабочими власти, в качестве предлога для развития своих взглядов на пролетарское государство: «Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации... Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, «государство»... Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции... Она была, по сути дела, правительством рабочего класса... политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда».

Затем в «Гражданской войне во Франции» дается общая картина диктатуры пролетариата, образовавшейся в рамках одной страны и трансформирующей национальное государство, кладя конец национализму: «Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств, о чем мечтали Монтескье и жирондисты, то единство, которое — у крупных наций, — хотя и создано было первоначально политическим насилием, стало теперь могущественным фактором общественного производства»¹.

Парадокс пролетарского государства состоит в том, что оно является национальным вне рамок национальности или нации, а также не имеет никакого налета национализма, поскольку пролетариат, согласно формулировке, близкой к философскому парению периода 1845—1848 годов, отразившемуся в «Манифесте Коммунистической партии», будет «лишен отечества». В этом сердцевина противоречивости марксизма по национальному вопросу: не имея никакой теории нации, марксизм вынужден признать национальное государство, пусть для того лишь, чтобы вернуть государство гражданскому обществу, выводя его из лишения рабочего класса отечества посредством классового сознания.

Точности ради следовало бы заметить, что в эпоху I Ин-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 344—346.

тернационала рабочий класс еще не «обрел отечество», ибо он еще только складывался в индустриальных капиталистических странах в результате ухода крестьян из деревень, широчайших региональных миграций, а также вследствие своей еще тесной связи не столько с ремесленным производством, сколько с физическим трудом и профессиональными навыками. В состав рабочих обществ, групп, секций и федераций I Интернационала входили именно трудящиеся-космополиты, кочевавшие из одной страны в другую, и ремесленники — портные, сапожники, лудильщики и т. п., — более многочисленные, чем промышленные рабочие (исключением были рабочие крупных корпоративных федераций): Интернационал по веским соображениям держался отнюдь не на национальной основе.

Именно английский рабочий класс был тем первым рабочим классом, который «обрел отечество», то есть подвергся последовательной общей интеграции в *государство*, а также оказался привязанным к своему национальному статусу через посредство собственного уровня жизни, несмотря на существовавшие внутренние региональные и этнические различия. Это действительно обнаружили Маркс и Энгельс в связи с ирландским вопросом. Поэтому неудивительно, что вопреки надеждам Маркса тред-юнионы первыми дезертировали из Международного товарищества рабочих — еще до трагической гибели Коммуны. Точно так же Интернационал лишился своей опоры в Европе из-за сопротивления организаций Швейцарии и Бельгии директивам Генерального совета, а главной силой этого Совета стали немецкие рабочие-эмигранты в Соединенных Штатах (чем и объясняется сделанное в 1875 году предложение перевести центр Интернационала в Филадельфию).

И вот уже в речи, произнесенной в Амстердаме, сразу после Гаагского конгресса, состоявшегося в сентябре 1872 года, Маркс признал необходимость учитывать национальные условия: деятельность международного рабочего движения должна была теперь осуществляться в рамках национальных государств. Такой урок вытекает из конца I Интернационала.

4. «Капиталоцентризм» и незавершенность исследования национальности

Оставим в стороне позиции, продиктованные конъюнктурными соображениями, но все же характеризующиеся значительным постоянством проводимой линии и мотивировок, и

† См.: G. M. Dravo. La Prima Internazionale. Storia documentata. Roma, 1978, p. 834.

рассмотрим теперь мысль Маркса и Энгельса с точки зрения разработанной ими общей концепции развития капитализма: всем странам уготована судьба подчиниться закону этого развития и его закономерностям при переходе через капиталистическую стадию, известную как важнейшая фаза на пути прогресса цивилизации, дающая возможность преодолеть узость национальных барьеров, кладя конец варварству крестьянских наций, первобытному разбою и кочевой жизни, дикому состоянию «естественных» наций. В этом смысле термин «нация», имеющий небольшое значение, употребляется Марксом и Энгельсом почти исключительно как показатель разнообразия народов¹. Что касается феодальных перегородок, патриархальных связей, то создание мирового рынка и развитие свободного обмена сокрушат национальные границы; капитализм подготавливает исчезновение наций. «Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными», — утверждает в «Манифесте Коммунистической партии»².

Капитал рассматривается Марксом и Энгельсом в исторической перспективе объединения мира: пролетарский же интернационализм противостоит капиталистическому космополитизму либералов — сторонников свободной торговли. Данная интерпретация имеет, однако, тот недостаток, что упускает из виду экономическую функцию самого государства, главного звена, отсутствующего в «Капитале», и наделяет самостоятельностью экономическую инфраструктуру. Впрочем, недооценка экономической функции государства, разрыв между базисом и надстройкой — этот разрыв пытались безрезультатно восполнить тезисом об отражении — не столь серьезны, как обрасывание со счета коллективных социальных реальностей, между которыми помещается нация, иначе говоря, ограничение исследования исключительно сферой межклассовых отношений.

Мало того, что Маркс весь свой анализ сосредоточил на торговом капитализме, который в Англии превратился в промышленный, в экспликативном аппарате «Капитала» также наблюдается тенденция увязать всю историю, сегодняшнюю и вчерашнюю, с этим типом капиталистических отношений. И дело не столько в европоцентризме — ибо Маркс признает смещение центра тяжести капитализма, вызывающее одновременное омещение революционного центра в направлении Германии и, возможно, в XX веке в направлении Соединенных Штатов и России, — окольо в капиталоцентризм

¹ О слове молодого Маркса см.: J. Gertler. Zur Bedeutung der Kategorien Volk und Nation in den frühen Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. — In: "Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte". Berlin, 1973.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 428.

ме, к которому сводится все развитие человечества. Способы производства сменяют один другой как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации», а «буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства... Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹. Данная перспектива революционной цели и его исторический агент — организация рабочего класса — в конечном счете и оправдывают конъюнктурный выбор того или иного национального дела. Выходит, напрасный труд противостоять шестивку материальной силы — историческому материализму капитала; выходит, защищать специфику старых деревенских общин, отставших в своем развитии народов, варварских национальностей, являющихся обломками цивилизаторских демиургов, означало бы согрешить против истории и научных законов.

Именно такого рода примыкание марксизма к односторонним представлениям о прогрессе и связывает его с научным эволюционизмом XIX века до такой степени, что заставляет думать о своего рода дарвинистском отборе народов. Настойчивость, с какой Энгельс переносит экономические законы на законы природы и связывает историческую диалектику с диалектикой природы, делает такую параллель еще более очевидной.

Все это, однако, не означает, что в этих основополагающих текстах марксизма — несмотря на неопределенность словаря — отсутствует различие между национальностью и нацией: в этих текстах есть даже исследование национальности. Одно только примечательно: не это мы находим за рамками работ, посвященных экономике, и за рамками обобщающих статей Энгельса, излагающих суть учения, и даже — главным образом — его публицистических выступлений, посвященных национальному вопросу и международным событиям. Нация восходит к современному обществу капиталистического государства, национальности же связаны с длительным периодом прошлых дифференциаций и объединения населения в народы. Конечно, общинные формы и история великих наций — на первом этапе развития исторической мысли Маркса — расставлены вдоль магистрального пути, который от азиатского способа производства, если не от первобытного коммунизма, ведет к античному способу производства, затем к рабовладельческому, феодальному и к западному капиталистическому способу производства. Причем этот путь ведет в той последовательности, которую не может не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7—8.

напомнить нам движение идеи Гегеля — от Китая к Персии, Египту, Греции, Риму и т. д., через германские нашествия, к Священной Римской империи и современным монархиям Запада, наконец, к государствам буржуазной революции, освещенным взрывом Французской революции. Но вся эта прямолинейная схема очень скоро полностью разрушится в ходе исследований Маркса и Энгельса. Ведь уже в период написания «Капитала» Маркс изучал «формы, предшествующие капиталистическому способу производства», как об этом стало известно почти столетие спустя после опубликования «Экономических рукописей 1857—1859 годов». Сельские общины рассматриваются как коллективные социальные образования, которые не связаны с одной лишь классовой структурой, не сводятся к производственным отношениям, различаются между собой этнически. В то же время они служили подпоркой социальной эволюции, завершающейся или не завершающейся в национальном плане, и их можно иногда обнаружить в составе наций (например, в Шотландии) или же проследить их исчезновение (в Германии) либо сохранение (в России).

Позднее внимание Маркса и Энгельса привлекла проблема родственных связей и отношений, о чем свидетельствуют «Этнологические тетради» Маркса, недавно изданные Л. Крадером, и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса (1884). В итоге работа над «Капиталом» так и не была доведена до конца: в целях уточнения природы земельной ренты Маркс с головой ушел в длительные исследования организации сельских общин и докапиталистических форм, положив начало изучению социальной истории, идущей гораздо дальше схем экономического производства и воспроизводства. Общинные реальности сельских и этнических общин привели к глубокому изменению самих представлений о прошлом, что нашло отражение в многомерной истории, очерченной Марксом в набросках письма к Вере Засулич от 1881 года¹. Выписки из книги русского ученого Максима Ковалевского о коллективной земельной собственности — в книге, полученной Марксом из Москвы сразу же после ее публикации в 1879 году, — свидетельствуют о расширении сферы исторического исследования за счет множественности перспектив².

Можно только сожалеть о том, что если о «молодом Марксе» существует обширная литература, то его последние размышления до сих пор не подвергнуты такому же изучению. На заключительном этапе исследований Маркса фоном для про-

¹ См. письмо К. Маркса к В. И. Засулич от 8 марта 1881 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, с. 137).

² См.: «Ecrits sur le tsarisme et la commune russe». — In: «Cahier de l'Isca», 1969, № 7.

ведения различий между той или иной «исторической средой» становится дифференциация по коллективному признаку, хотя эта догадка приводит обычно лишь к классическому противопоставлению Востока Западу. И все-таки здесь начинает прослеживаться различие между моделью наций «Запада, развившихся полностью буржуазным путем», и национальной формацией, которая будет иной на Балканах, в Центральной или Восточной Европе. Так, когда Каутский спросил Энгельса, как он представляет себе национальную судьбу южных славян и какую позицию следовало бы занять социалистам, Энгельс затруднился ответить, ибо эти национальные движения находятся «вне нашей культурной среды» (см. письмо от 11 мая 1882 года), что, однако, не помешало Энгельсу перейти затем к поспешным выводам относительно международной политики.

Помимо такого рода политических высказываний, исследование проблемы национальности продолжалось. Энгельс, больше погруженный в свою великую работу, чем Маркс, расширил сферу исследования национальности благодаря изучению лингвистических племенных стволов, миграции народов, общинных структур, основанных на родственных связях, организации деревни и наконец признал, что исторически существуют способы общественных отношений, непосредственно не принадлежащие к производственным отношениям и тем не менее лежащие в основе общественного воспроизводства. Это такие коллективные формы, которые могут стать национальной базой в ходе собственной трансформации и благодаря своей возможности ассимилирования, а также долговечности культуры.

Что касается Польши и многонациональной ситуации в Восточной и Центральной Европе, то Энгельс весьма быстро заметил наличие движения населения, а также изменение языковых и территориальных границ на протяжении «исторического развития последних двух тысячелетий». Многонациональный состав государств, а значит, и современных национальных государств, объясняется именно этими факторами: «В Европе не существует такой страны, которая бы не состояла из различных национальностей, находящихся под властью одного правительства... И по всей вероятности, так будет всегда».

Энгельс, работая над своей незавершенной «Историей Ирландии» (1869—1870), особенно углубил изучение этнической ассимиляции и сохранения специфики национальной культуры независимо от изменений в словаре и от привычного для той эпохи языка науки, использовавшего расистскую терминологию. Он полагал, что ирландский национальный ха-

рактир определяется благодаря именно этому двойному движению — амальгамированию и дифференцированию: «Если бы эта ассимиляция * удалась, то ход ее следовало бы целиком отнести к области истории. Он подлежал бы ее приговору, но возврат к прошлому был бы уже невозможен. Но если, после семивековой борьбы, ассимиляция не удалась, если, наоборот, за каждой из новых волн, одна за другой наводнивших Ирландию завоевателями, следовала их ассимиляция самой Ирландией, если ирландцы и в настоящее время еще так же мало стали англичанами, или так называемыми «западными британцами», как поляки, которые подвергаются угнетению только сто лет,— «западными русскими», если борьба все еще не окончена и нет никаких видов на ее окончание иным способом, кроме истребления угнетенной гасе,—то никакими географическими ссылками нельзя будет доказать, что Англия призвана покорить Ирландию»¹. Энгельс занялся изучением народной культуры, легенд и песен, литературной культуры духовенства с целью обнаружить, «несмотря на все примеси германской крови», ирландский национальный характер.

Объясняя формирование нации, Энгельс далее подчеркивает решающее значение колониального положения страны, которое изменило ход ирландской истории: несмотря на языковое и культурное угнетение, накладывающееся на аграрную колонизацию, национальность не исчезает, напротив, социальная оппозиция препятствует ассимиляции, и сопротивление превращается в национальное движение. Ирландия должна стать нацией, порвав с колониальным господством. Необходимо отметить исключительный характер анализа ирландского вопроса как вопроса колониального: ведь аналогичный анализ не распространялся на страны, находившиеся в то время на положении колоний. И все-таки этот подход Энгельса предвосхищает представления о национально-освободительных движениях, пусть даже он касался лишь их отношения к британской метрополии, которая по-прежнему считалась очагом рабочей революции в капиталистическом мире.

Наибольшим достижением исследований Энгельса по национальному вопросу — по крайней мере в том, что касается публично изложенных взглядов, так как работать в этом направлении Энгельс не прекращал и в дальнейшем,—можно считать предисловие к «Происхождению семьи, частной собственности и государства», где содержится признание основополагающей функции общественного воспроизводства, то есть чередования поколений людей, составляющих коллек-

* Ирландия Англией. — *Прим. ред.*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 482.

тивные общественные формации, воспроизводства такого рода, которое нельзя оторвать от экономического производства и воспроизводства, но нельзя и отождествлять с ними.

Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи»¹.

Следует подчеркнуть, что сведение марксизма к простой «природе» отношений и способов экономического производства — этот ортодоксальный взгляд в дальнейшем приведет к выстраиванию в шеренгу механических чередований способов производства, к «капиталоцентризму», ставшему господствующим взглядом в ходе развития социализма как идеологии, или как «сознания», европейского рабочего движения, — повлекло за собой утрату в марксистской теории возможности решить проблему, сопоставляя нацию и классы посредством исторического объяснения, ведущего к пониманию общества через экономический анализ классовых отношений, неявно существующих до капитализма, и через осмысление самого воспроизводства общества как общинного комплекса — начиная семьей и кончая народом, — а также как исторического сообщества, претерпевающего постоянные преобразования в своих внутриэкономических отношениях и в ходе непрерывного процесса культурной ассимиляции и диссимилиации, на котором базируется национальность. Утрате такой возможности, несомненно, способствовали сама действенность марксизма в борьбе трудящихся масс и его относительное укоренение в рабочем движении и в среде работников умственного труда. Эта утрата и привела к известному сведению марксизма к экономизму, тем более что оставшиеся незавершенными исследования Маркса и Энгельса и поднятые ими исторические вопросы долгое время оставались неизвестными — никто не видел ни текстов, ни черновиков рукописей. Марксизм II Интернационала взял на вооружение только «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал», в основном первый том, в меньшей степени — второй, вышедший в 1885 году, и еще меньше — третий, опубликованный в 1894 году, хотя именно третий том возвращается к проблеме генезиса капитализма, хотя здесь анализ об-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 25—26.

щества и не доведен до конца. Так образовался разрыв между этнологией и тем, что призвано было стать марксистской традицией, то есть комментирование работ классиков об экономике, их полемических произведений, посвященных политическим вопросам, а также исследований материализма. По этой же причине в конце концов упор стали делать на принцип национального государства, тем более что социалистические партии, и в первую очередь немецкая социал-демократия, сформировались как национальные партии, объединенные во II Интернационале.

5. Национальный этатизм и его первая теоретическая разработка у Каутского

На основе опыта, приобретенного в связи с национальным вопросом, а также благодаря размышлениям Маркса и Энгельса о национальности наметился путь, который, с одной стороны, подавал народам «без истории» больше надежд на будущее, а с другой — приносил известную рационализацию во взгляды на место, занимаемое национальным государством в истории, и на его все большее утверждение, хотя и без терминологического пояснения. Трудно сказать что-то большее, не обращаясь к источникам и вне контекста. Правомерность национальности и многонациональной реальности стала признаваться более широко, но политические судьбы национальностей по-прежнему подчинялись революционным интересам. Когда Энгельс в письме к Бернштейну от 9 октября 1886 года излагал свою точку зрения на балканский кризис, он был настроен в пользу национальных движений южных славян только в том случае, если они находились в оппозиции к России. Если же они вдруг восстали бы против Османской империи, то это движение следовало бы считать контрреволюционным, так как оно создало бы возможность для экспансии царизма. Впрочем, естественно, если бы Россия перестала быть реакционной державой, то есть там произошла бы демократическая революция, то южные славяне могли бы самостоятельно развиваться. Наряду с этим Энгельс в 1890 году допускает, что сохранение Австрийской империи оправданно постольку, поскольку она представляет собой преграду на пути продвижения русских к Константинополю; если бы империи исчезли, то национальности были бы свободными: «Мадьяры, румыны, сербы, болгары, арнауты, греки и турки получают, наконец, возможность уладить без иностранного вмешательства взаимные споры, произвести

! См. письмо Ф. Энгельса к Э. Бернштейну от 9 октября 1886 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 462—463).

размежевание своих национальных территорий, устроить свои внутренние дела по собственному усмотрению. Тогда сразу обнаружится, что главным препятствием к автономии и свободному объединению народов и обломков различных народностей на территории между Карпатами и Эгейским морем был все тот же царизм, который использовал мнимое освобождение этих народов для маскировки своих планов мирового господства»¹.

Логика рассуждений Энгельса не изменилась, однако проводимое различие между историческими нациями и народами без истории исчезло, и, следовательно, демократическая революция могла теперь вылиться в освобождение национальностей.

В то же время Энгельса начинает беспокоить проблема национализма. Когда речь идет о «подлинной» угнетаемой или даже разделенной национальности вроде Польши, тогда это — законное явление, тем более что, становясь навязчивой идеей, оно уводит в сторону от классовой борьбы. Касаясь той же Польши, Маркс, по словам Энгельса, говорил: «Пока жизнеспособный народ скован чужеземным захватчиком, но по необходимости направляет все свои силы, все свои стремления, всю свою энергию против внешнего врага; и пока его внутренняя жизнь остается таким образом парализованной, он не в состоянии бороться за социальное освобождение»². Энгельс же теперь опасался, что пролетариат не в состоянии идти против течения. Так, в 1882 году он писал Бебелю: «Европейскую войну я считал бы несчастьем; на этот разделение приняло бы чрезвычайно серьезный характер, война на долгие годы разожгла бы повсюду шовинизм, так как каждый народ боролся бы за свое существование. Вся работа русских революционеров, которые уже находятся накануне победы, оказалась бы бесполезной, пошла бы насмарку; нашу партию в Германии сразу же захлестнул и расколол бы поток шовинизма, и то же самое произошло бы во Франции»³.

В 1891 году в статье, появившейся в «Нойе цайт», Энгельс бьет тревогу в связи с опасностью возникновения войны между Германией, с одной стороны, и Францией и Россией — с другой. Германия, по его мнению, будет бороться за существование, но то же случится и с социал-демократической партией, которая должна будет защищаться до последнего человека. Его утверждения впоследствии были использованы немецкими социал-демократами в 1914 году для

¹ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 49—50).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 555.

³ Письмо Энгельса к А. Бебелю от 22 декабря 1882 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 348).

оправдания своей поддержки национальному делу и голосования за военные кредиты. Раз судьбы революции в Германии связаны с ростом социал-демократии, то разве не необходимо попытаться спасти партию любой ценой¹. По мнению социал-демократов, решающим фактором в революционной ситуации было соотношение силы между государствами, причем государственная мощь только усиливала революционный эффект; развитие государства, полагали они, расширяло также возможности пролетариата.

Национальная модель, модель развитого капитализма и буржуазной демократии, — это, следовательно, и есть то государство-нация, какое виделось Энгельсу. Если национальное государство — нормальная форма организации господствующей буржуазии, то «без установления независимости и единства каждой отдельной нации невозможно ни интернациональное объединение пролетариата, ни мирное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей». Подводя своеобразный итог развитию европейских стран после 1848 года, Энгельс подчеркивал: «Но ни в какой стране господство буржуазии невозможно без национальной независимости. Поэтому революция 1848 г. должна была привести к единству и независимости тех наций, которые до того времени их не имели: Италии, Германии, Венгрии. Очередь теперь за Польшей»². По этой причине первоочередной задачей рабочего движения должно было стать создание «мощных национальных организаций».

В конечном счете для марксизма нет разницы между государством-нацией и тем, что Маркс называет обобщенно «современным обществом», то есть «капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое»³. Уже сформировавшаяся или потенциальная нация (например, Польша) — это та сфера, в которой развивается классовая борьба, то есть прежде всего осуществляются господство буржуазии и, следовательно, завоевание рабочими политического руководства. В Европе 1848 года буржуазия предприняла попытку прийти к власти в Италии, Германии, Австрии и Венгрии; контрреволюция остановила ее движе-

¹ О немецком рабочем движении см. также: *H. U. Wehler. Sozialdemokratie und Nationalstaat. Nationalitätenfrage in Deutschland 1840—1914. Göttingen, 1971; W. Conze, D. Groh. Die Arbeiterbewegung in der nationalen Bewegung. Stuttgart, 1966.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 382.*

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 27.*

ние, и буржуазия разных стран должна была снова добиваться национального единства. По завершении этого начинания благодаря завоеванию власти в национальном масштабе рабочим классом начнется социалистическая революция.

Не удивительно, что сотрудничавший с Энгельсом молодой Карл Каутский, который в 1883 году был одним из основателей теоретического журнала немецкой социал-демократии «Нойе цайт», попытался систематизировать наследие марксизма и дать первую синтетическую формулировку того, что он называл «современной национальностью». В силу своего происхождения и воспитания Каутский остро осознавал национальный вопрос, или, лучше сказать, проблему национальностей, в Австро-Венгерской империи и — в более широком плане — в Центральной, Восточной Европе и на Балканах. Когда в 1887 году Каутский начал писать свою статью в «Нойе цайт», у него еще были свежи впечатления от поездки в Лондон, где он сопоставлял, в частности по ирландскому вопросу, свои идеи с мыслями Энгельса. Поэтому можно сказать, что благодаря соединению тех и других он был в состоянии систематизировать учение марксизма по национальному вопросу. Каутский воспринял и дополнил марксистское объяснение формирования нации: ее генезис в условиях восходящего капитализма, начиная с торгового капитализма итальянских и немецких городов в XV веке; ее распространение при неравномерном развитии капитализма, вызывающее фазы спада и отливов в Центральной Европе и Средиземноморье и периоды быстрого продвижения в атлантической Европе; ее кризис под воздействием свободного обмена и даже ее неизбежное исчезновение. «Классическая форма современного государства — это национальное государство», — утверждал Каутский. Но это законное оправдание существования национального государства вызвало как следствие необходимость признать национальный вопрос: «Сегодня нет ни одного чисто национального государства, которое было бы в состоянии полностью включить в себя нацию и которое не включало бы в себя целиком или частично другие нации. Формирование национальных государств и формирование самих наций еще не завершено». Таким образом, в отличие от былых наблюдений Маркса и Энгельса, относивших национальности к прошлому, Каутский считает, что они существуют для себя и принадлежат настоящему. Если он и осуждает панславизм, то только потому, что он «несовместим с подлинной национальной жизнью каждого славянского народа». Можно было бы сказать, что его австрийский опыт подсказывает ему то, что нам представляется постоянной практикой в тех случаях, когда речь идет о поиске решений, призванных примирить государственную организацию жизни с национальным вопросом. Коль скоро капитализм развивается ре-

гионально, полагает Каутский, то национальный антагонизм обостряется, равновесие разрушено, и необходимо найти новую национальную организацию политической жизни общества.

Национальную зрелость, являющуюся, следовательно, результатом развития капитализма, Каутский определяет как социальное расширение: если классы крестьян и мелких буржуа подвергаются угрозе, то усиливаются собственно капиталистические классы. В ходе этого преобразовательного движения всякий регресс на пути национального развития подвергает опасности общество в целом, и — что еще хуже — в случае покорения или расчленения нации «страдает весь народ». На протяжении столетий идет борьба, вызываемая стремлением к единству и национальной независимости: «Национальное чувство, таким образом, является движущей силой, действующей самостоятельно, вне связи с экономическим развитием, а в некоторых случаях становится даже препятствием для такого развития».

Однако более самобытный, чем определение значения национального чувства, вклад Каутского в разработку национального вопроса заключается, вероятно, в осмыслении функции интеллигентов в национальной сфере — тех, кого он называет «умственным пролетариатом», то есть тех, для кого образование — единственный капитал, с помощью которого они могут вырваться из крестьянской или мелкобуржуазной среды, тех, чье социальное будущее зависит от создания новых рабочих мест, что возможно благодаря расширению деятельности государства¹. Это тот социальный слой, который в конце концов становится носителем национальных требований, так как национальная независимость дает этим интеллигентам возможность продвигаться вверх по социальной лестнице. Этот слой готов даже ринуться в колониальную политику и согласиться с изгнанием с государственной службы ненациональных элементов. Но надежда на доступ к государственной службе в рамках национального государства может и не оправдаться, если развитие капитализма пойдет ускоренными темпами. Поэтому, полагает Каутский, чешское национальное движение действительно обречено на провал, так как должно победить более широкое движение.

Такой подход к проблеме привлекает внимание к силе национализма, к его особой социальной базе, которую в то время составляли мелкая буржуазия и те, кто выполнял ее функции в государственном аппарате, к связанным с национализмом чаяниям и его способности идеологически мобилизовать угнетаемые нации. И хотя вопреки ожиданиям Каут-

¹ См.: K. Kautsky. Die Intelligenz und die Sozialdemokratie. — In: «Neue Zeit», 1894—1895.

ского чешское национальное движение не потерпело провала и даже добилось создания нового государства, его толкование проблемы, как показывает сегодня опыт приобретения независимости колониальными странами, сохраняет свое значение: «пролетарская интеллигенция» прибирает к рукам новое государство, или, попросту, старое колониальное государство, узаконивая национализм в ущерб оказавшимся в меньшинстве национальностям или вообще отказывая им в праве на существование, а также в ущерб соседним соперничающим государствам, — и снова национальный этатизм одерживает триумф.

Все же Каутский считает, что будущее принадлежит не этим движениям. Подобно Марксу и Энгельсу, он питает иллюзии в отношении интернационализма свободной конкуренции: «Внутренний рынок теряет свое значение по сравнению с внешним рынком по мере того, как растет экономическая зависимость каждой из современных наций от заграничной».

Территориально рынок становится слишком узким, языковые границы рушатся. Появляются мечты об универсальном языке — «волапюке». Нация уже сейчас переживает кризис. Прибегая к помощи протекционизма, чтобы справиться с перепроизводством, впадая в шовинизм, буржуазия становится реакционной. Теперь дело за пролетариатом — он должен разрушить национальные рамки, довести до конца работу капитала: «По мере развития современного способа производства и углубления интернациональной солидарности трудящихся национальная солидарность между рабочими и капиталистами одной и той же нации уменьшается». Но ведь теперь уже нельзя сказать, что пролетарский интернационализм «не знает границ», как говорилось в «Манифесте Коммунистической партии»; даже пролетариат проходит фазу «обретения отечества». Каутский вскрывает новое противоречие между рабочим движением и марксизмом, ибо сам рабочий класс становится национальным и в свою очередь приносит жертву национализму: «Конечно, антагонизм между буржуазией и пролетариатом не перестает расти, но в то же время пролетариат все более становится ядром нации благодаря своей численности, интеллигентности и энергии; интересы пролетариата и интересы нации совпадают во все возрастающей степени. Враждебная по отношению к нации политика была бы, следовательно, самоубийственной для пролетариата».

В заключение Каутский делает попытку совместить пролетарский интернационализм, имеющий тенденцию к благопристойной утопии, с солидарностью наций, стремящихся к социализму. Революция подведет итоги национальным государствам: «Задача этого столетия состоит в том, чтобы открыть путь такому развитию посредством ликвидации эконо-

номических антагонизмов, которые, с одной стороны, отделяют нации одну от другой, а с другой — в возрастающей степени раздирают сами нации изнутри. Задача заключается также и в том, чтобы установить единство международной жизни одновременно с единством жизни национальной».

Таков идеал мира между народами, который пытались противопоставить националистическому озлоблению дерулов, катковых и «Кёльнише цайтунг», то есть тому, что в то время повсеместно именовалось патриотизмом, выразившимся даже в милитаристской форме.

Несмотря на свою прямую преемственную связь с первоначальным марксизмом, и в особенности на соответствие с эволюцией взглядов Энгельса, которые после смерти Маркса шли в направлении к национальному государству и огосударствлению рабочего класса, это первое марксистское обобщение по вопросу о нации открывает новую эпоху. В эту эпоху действительно закладывается фундамент для национального развития рабочего движения. Но в то же время она характеризуется противоречиями между буржуазным либерализмом, сохранившимся в Западной Европе и вселявшим надежды на демократический прогресс на Востоке, национальной и националистической реакцией на протекционизм и первыми формами монополистических экономических образований. Каутский, как и Энгельс, верил в продвижение к социализму в рамках крупных капиталистических государств благодаря двойному наступлению индустриализации и урбанизации наряду с наступлением рабочего движения, ставшего движением большинства.

В частности, в этой схеме Каутского уже содержатся в зародыше узловые вопросы дискуссии о нации, по которым в дальнейшем начнутся столкновения между социалистическими партиями и фракциями, партийными представителями, теоретиками и доктринерами. К этим вопросам относятся: индустриализация, которая, как утверждает Роза Люксембург, опережает рост рабочего движения; федерализм, с помощью которого можно найти выход из многонациональной ситуации в Австрии и на Балканах; значение национального чувства, языка и культуры на этих двух территориях и в связи с еврейским вопросом в России; национальное государство как модель нормального (по мнению марксистов-экономистов, легальных марксистов и Борухова) развития классов и классово-вой борьбы; функция интеллигенции и мелкобуржуазный характер национальной идеологии (как понимали ее радикальные интернационалисты). Только Отто Бауэр, осмысливая историю формирования наций, рискнул выступить с другим обобщением марксистского учения по национальному вопросу, с обобщением совершенно иного масштаба. Каутский устранил такое положение вещей, когда национальный воп-

рос рассматривался марксистами как второстепенный и трактовался с этатистских позиций, на первых порах лишь молчаливо подразумевавшихся, а впоследствии ставших явными в результате развития рабочего движения в рамках государства-нации. Во II Интернационале национальная проблема стала центральной, а национализм был субъектом и объектом краха тогдашнего рабочего движения.

6. Кошмар национализма во II Интернационале

В сентябре 1907 года на Эссенском съезде германской социал-демократической партии подруга Розы Люксембург Клара Цеткин, также занимавшая левые позиции в партии, говорила о «родине», которую пролетариат должен завоевать в борьбе против «внутреннего врага» и которая должна стать «родиной для всех». Обращаясь к правому крылу партии, в частности к Нооке, призывавшему к «национальной солидарности», она напомнила, что капитал лишает пролетариев их отечества. В то же время она отвечала и тем, кто вслед за Гюставом Эрве восклицал: «Наше отечество — это наш класс!» Незадолго до того Клара Цеткин опубликовала в еженедельнике женщин-социалисток «Глайххайт» («Равенство») серию статей о «нашем патриотизме», в которых утверждалось, что рабочий класс борется «за превращение государства эксплуататоров в подлинное отечество для эксплуатируемых». «Пролетариат, — писала она, — вынужден прежде всего завоевывать отечество для себя»¹. Эти фразы напоминают нам слова Жореса, но как изменился и тон и язык, если вспомнить, к чему зывали за 30 лет до этого Гед или В. Либкнехт, говоря о международном пролетариате, подымающемся против буржуазной нации!

В том же, 1907 году Бауэр опубликовал работу «Национальный вопрос и социал-демократия», где можно прочитать, например, следующее (это еще ближе к Жоресу): «Социалистическое общество осуществит на практике мечту Фихте: приобщить каждого к разнородно национальной культуре... Социализм обретет свое значение благодаря доступу всего народа к общности национальной культуры, благодаря завоеванию полного самоопределения нации, благодаря национальной духовной дифференциации».

Казалось, социал-демократия намерена вырвать знамя «отечества» из рук буржуазных партий и использовать его в качестве требования рабочего движения. По мере того как в последнее десятилетие XIX века и в начале XX века евро-

¹ Ж. Бадиа дал французский перевод этих статей в: "Pluriel-débat", 1975, № 2.

пейский национализм становится все более угрожающим и появляются сторонники войны, II Интернационал развивается в атмосфере националистического угара и в нем все больше возрастает напряженность между защитниками «национального интереса», склонными отождествлять его с национальным государством, пусть даже буржуазным, и верными приверженцами марксизма, которые пытаются заменить национальное государство отечеством пролетариата или всенародным государством. Эту ситуацию, вызывавшую изменение позиций в ходе медленного и часто противоречивого процесса развития, можно сравнить с серьезным поворотом в советском и международном коммунистическом движении, когда в 1934—1936 годах (достигнув апогея после немецкой агрессии в 1941 году) даже с еще большей быстротой брали на вооружение «национальные ценности». Судя по всему, угроза войны, подобно катализатору, ускоряет проявление противоречий марксизма в вопросе о нации.

Однако при сравнении этих двух исторических периодов не следует заходить слишком далеко, так как в эпоху II Интернационала конфликты только начинали развиваться, хотя и прогрессировали весьма быстро. В частности, конфликты эти были тогда двух различных видов и могут быть отнесены к двум разным сферам. В развитых капиталистических странах существовал национализм, направленный на защиту данного государства, а для рабочих этот национализм служил защитой того положения рабочих в национальных рамках, которое завоевал пролетарский класс, имеющий тенденцию к определенной форме интеграции в государство, особенно через синдикализм. В Западной Европе лишь одна Ирландия отличалась по степени развития национального вопроса; там этот вопрос приобрел иное значение, а именно борьбу за освобождение. На Балканах же, в Центральной и Восточной Европе ставился вопрос о национальности, или, лучше сказать, о национальностях. Для II Интернационала национальные рабочие движения в Восточной Европе открыли своего рода второй фронт, ставший также ареной теоретической дискуссии об осуществлении национального вопроса при социализме. Социалистические партии раскалываются, фракции противопоставляются друг другу, и на таком фоне разворачивается оживленный теоретический поиск. Дебаты начались на Лондонском конгрессе 1896 года в связи с вопросом о Польше, и уже на этом конгрессе произошло размежевание между националистами и сторонниками развития всех национальностей. В дальнейшем они развернулись еще шире, в итоге принятия компромиссной австрийской программы в городе Брно (1899), которая породила дискуссию в России. Особенно серьезной эта дискуссия стала после революционного взрыва 1905 года. Началась она с работы Бауэра и его диалога с

Каутским, затем обострилась из-за разногласий по вопросу о самоопределении и достигла кульминации в споре между Лениным и Розой Люксембург.

Это крещендо дискуссии, знаменовавшее собой и развитие теории, происходило в обстановке столкновений по организационным вопросам, определявшим практику рабочего движения. На первый план выдвинулся вопрос о партии и ее программе: партия национальная или партия революционная, национальная автономия или централизм? Быть может, именно в связи с обсуждением этого вопроса о партии обнаружилось новое противоречие: марксизм и национальный вопрос, проблема коммунизма и верховенства партии, — противоречия, которые коренились в недостаточности большевистского решения проблемы, но на первых порах были замаскированы тем, что это решение имело успех в условиях разгула национализма, вызванного развязыванием империалистической войны.

7. Национализм и национальное освобождение: от Розы Люксембург к Джеймсу Конноли

Восстановление рабочего Интернационала с 1889 года происходило, как правило, хотя прямо это нигде не было установлено, на основе участия в конгрессах одной делегации от каждой страны. Делегация формировалась из представителей политических и профсоюзных организаций, если, конечно, они не были объединены в одну, как это было в случае Бельгийской рабочей партии. Формы представительства — а по сути дела, политический отбор, проводившийся исходя из признания необходимости автономной политической деятельности, — вырабатывались иначе, чем у анархистов, иными словами, иначе, чем у тех, кто считал, что борьба за рабочее дело неделима. Такова была центральная тема Лондонского конгресса 1896 года, однако именно на нем, правда, под сурдинку, и возникла по инициативе Розы Люксембург дискуссия по национальному вопросу.

Разгоревшийся конфликт — как, впрочем, случится еще не раз в будущем — носил прежде всего организационный характер, будучи связан с разногласиями между Польской социалистической партией (ППС), выступившей с резолюцией в поддержку независимости Польши, и Союзом польских социалистов за рубежом, малочисленной партией, одной из вдохновительниц которой была сама Роза Люксембург, а также Социал-демократией Королевства Польского (СДКП), основанной в 1893 году. Предложенный текст резолюции в основном отражал позицию Маркса в I Интернационале по вопросу о Польше и главным образом об Ирлан-

дин: «Принимая во внимание, что порабощение одной нации другой может играть на руку только капиталистам и деспотам, что это всегда и при любых обстоятельствах оборачивается несчастьем для трудового народа угнетенных наций, что особенно русский царизм, черпающий свои силы внутри страны и приобретающий влияние за ее пределами благодаря порабощению и расчленению Польши, представляет собой постоянную опасность для прогресса международного пролетариата, Конгресс заявляет: независимость и автономия Польши суть политические требования, являющиеся не менее необходимыми для международного рабочего движения в целом, чем для пролетариата самой Польши»¹.

Напротив, Роза Люксембург выступила против подчинения пролетарского интернационализма, который должен служить фундаментом социалистических партий, моральному примату права угнетенных национальностей, ибо она была убеждена, что национальный вопрос, равно как и любой другой социальный и политический вопросы, является вопросом классовых интересов. Возможность победы революции в Российской империи, считала она, сделала бы бессмысленной борьбу за предварительное возрождение Польши. Каутский предложил временное решение проблемы, изменив резолюцию с помощью гибких и туманных выражений. Интернационал заверял в основном о своей симпатии «к рабочим всех стран, находящимся под военным, национальным или каким-либо другим гнетом деспотизма», хотя в резолюции и признавалось также «право всех наций на самоопределение»; то есть формулировка (в таком виде встречающаяся, правда, только в немецком тексте, тогда как в английском и французском текстах речь идет лишь об автономии), которая впоследствии стала широко употребляться Лениным. Уже одна эта резолюция Интернационала дает представление о том, насколько второстепенным был тогда данный вопрос. Но позднее дискуссия вокруг него станет гораздо острее.

Роза Люксембург как марксистка выступила по национальному вопросу, конечно, не только по случаю Лондонского конгресса². В связи с полемической позицией своей партии (СДКП) она уже высказывалась на эту тему в ряде написанных по-польски статей, а затем издала (под псевдонимом Матей Розга) брошюру о рабочем вопросе в Польше (1896). Лондонский конгресс дал ей возможность подготовить несколько статей и на страницах «Нойе цайт» — орга-

¹ Цит. по: *R. Luxemburg. La questione polacca al Congresso internazionale di Londra.* — In: «Critica sociale», 16 luglio 1896; *R. Luxemburg. Scritti scelti.* Torino, 1975, p. 12.

² *G. Haupt. Dynamisme et conservatorisme de l'idéologie: Rosa Luxemburg a l'orée de la recherche marxiste dans le domaine national.* — In: «Pluriel—débat», 1977, № 11.

на, который благодаря Каутскому стал ориентиром в ходе дискуссии по национальному вопросу,—призвать к международной дискуссии по данному вопросу.

Прежде всего Роза Люксембург отвергла организацию Интернационала по национальному признаку: рабочие партии, считала она, ведут борьбу в политических рамках существующих государств, то есть государств, не только не соответствующих национальному сообществу, но даже многонациональных. Признание правилом права национальностей вызвало бы опасный раскол в рабочем движении: «Коль скоро Польша, несмотря на то что она поделена между тремя государствами, сумела организовать в общую национальную партию для борьбы за свою политическую независимость, почему бы не сделать то же самое и другим национальностям в Австрии, эльзасцам по отношению к французам и так далее? Одним словом, открылась бы настежь дверь и для борьбы, и для национальных организаций... Вместо политических программ, соответствующих классовым интересам, появились бы национальные программы»¹.

Таким образом, Роза Люксембург поставила вопрос о функциональном противоречии II Интернационала, где мандат на съезд предоставлялся отдельным странам. Однако и в будущем тот же принцип применялся при формировании секретариата, Международного социалистического бюро хотя начиная с 1905 года Камилль Гюйсманс и попытался создать сеть корреспондентов от различных партий и даже фракций, причем не только в Европе, именно с целью предоставить базу Интернационалу на основе национальных реальностей.

Мысли Розы Люксембург, как свидетельствуют ее статьи 1896 года, шли в совершенно ином направлении. Россия, и в частности польская часть империи, благодаря своему капиталистическому развитию уже преодолела национальную фазу. Начинать в Польше новое восстание теперь не имеет смысла; пролетариат должен быть организованным накануне революции, которая вот-вот произойдет (и казалось, революция 1905 года подтверждала ее предположения). Ради доказательства этого своего политического тезиса Роза Люксембург провела огромную работу по изучению промышленного развития Польши, ставшую ее магистерской диссертацией. Диссертация была защищена в 1897 году и на следующий год опубликована. Ее следует рассматривать в сопоставлении с почти одновременно появившейся работой Ленина о развитии капитализма в России (1899) и с более общими работами Плеханова, посвященными исчезновению общины в русской деревне, ослаблению крестьянской базы и провалу

¹ R. Luxemburg. Scritti scelti, p. 20.

народничества. В Российской империи, писала Роза Люксембург, наблюдается экономический подъем, изменяющий политическую ситуацию и делающий ее революционной. Эти глубокие изменения, по ее мнению, вызывают необходимость отказаться от занятых Марксом, Энгельсом и I Интернационалом позиций по польскому вопросу, не предопределяя, однако, заранее решения вопроса о том, какой может быть нация и национальная политика на следующий день после победы социалистической революции, которая, как она думала, не за горами. Таким образом, позиция Розы Люксембург очень близка идеям ее партийных товарищей—Варшавского и Мархлевского,—которые по-прежнему вели разговоры о независимости после революции. В то же время Роза Люксембург проявляет большую склонность следовать конъюнктуре, которая в тот момент складывалась так, что Люксембург заговорила об «абсурдности» польской независимости.

При этом она подвергла сомнению позиции Маркса и Энгельса не только в том, что касалось Польши, и Каутский одобрил ее образ мыслей, написав в 1896 году следующее: «По вопросу о Востоке, равно как и Польше, я придерживаюсь того мнения, что старая позиция Маркса стала теперь неприемлемой, как и его взгляды относительно чехов. Было бы совершенно не марксистски закрывать глаза на факты и продолжать настаивать на точке зрения, которую преодолел сам Маркс». В 1897 году Роза Люксембург выступила за развитие балканских национальных движений против Оттоманской империи, но логика ее рассуждений оставалась все той же: именно потому, что турецкая империя теперь пришла в упадок и экономически бессильна, независимость национальностей является положительным фактом, ибо позволит создать ряд новых государств, которые станут центрами и экономического развития, и роста рабочего движения. (Роза Люксембург думала, что говорит нечто новое, ибо в то время она еще не была знакома со статьями Маркса по восточному вопросу, в которых излагалась такая же позиция и которые были опубликованы только в 1902 году на страницах «Нойе цайт» вместе с письмами к Кугельману.) Другими словами, главным мерилom в отношении к национальному вопросу всегда является степень зрелости капитализма или глубина его кризиса.

По этой причине позиция Розы Люксембург могла становиться эволюционистской или дифференцированной, тем более что в то время она проводила практическое различие между тем, что присуще политической борьбе, и тем, что принадлежит к частной сфере или не должно переводиться—разве что от случая к случаю—на язык политики (например, национальная проблема, относящаяся, скорее, к сфере культуры). Данная установка привела Розу Люксембург к

решению национального вопроса с помощью национальной культурной автономии. Уже в 1893 году, когда Люксембург выступила против независимости Польши, увидела свет ее статья о «денационализации», в которой она осуждает как раз русификацию Польши, провозглашает долгом каждого защиту польского языка и демонстрирует своего рода культурный патриотизм; по ее мнению, именно буржуазия более не в состоянии выступить в защиту «патриотизма и его идеалов». Первый съезд Социал-демократии Королевства Польского (СДКП), состоявшийся в Варшаве в 1894 году, дополнил программу партии требованием преобразования царской империи в демократическую республику, которая ликвидировала бы национальное угнетение не только путем предоставления прав и политических свобод рабочему классу, но и путем признания за Польшей права на автономию, суть которой, однако, не была уточнена. Как ни парадоксально, но именно Роза Люксембург и ее партия установили таким образом границы дискуссии об автономии во II Интернационале и в то же время будоражили мысль в связи с национальным вопросом, осуждая одновременно все зло национализма, способного привести рабочее движение к поражению.

Начиная с этого момента, Роза Люксембург фактически стала предвещать прежде всего парализующее воздействие национального вопроса на рабочий класс (по той же причине Маркс и Энгельс предлагали сначала решить этот вопрос, а затем перейти к другим), но наибольшие опасения вызывала у нее возможность разращения рабочего класса национализмом. «Принятие резолюции [предложенной на Лондонском конгрессе] означало бы протаскивание национализма под знаменем интернационализма»¹. Обвиняя польскую социал-демократическую партию в «социал-патриотизме» (именно так звучало название одной из ее статей в «Нойе цайт» в 1896 году), она клеймит позором «социал-шовинистов» и «социал-националистов» и, быть может, предвосхищает тем самым термин «национал-социализм», обозначающий явление, которое она проклинала как предательство и позор социализма. Все это — терминология, употребленная в 1915 году Г. Штрёбелем в специальном номере «Интернационала».

И все-таки Роза Люксембург придерживалась того же самого мнения, что и другие марксисты ее времени; его отстаивал и сам Энгельс после смерти Маркса, и развивал Каутский: капитализм, считали они, знаменует собой конец наций и расширяет политическую базу крупных государств в соответствии с расширением рынков, что видно, в частности,

¹ Ibid., p. 19.

на примере Российской империи, смешивавшей внутренний и внешний рынки, а впоследствии интегрировавшейся в мировой рынок. В то же время эта однородность с торговой точки зрения детерминируется центрами промышленного производства, что видно на примере Польши. И вот как раз этот акцент на капиталистическую концентрацию является тем новым наблюдением, которое оказалась плодотворным и привело австромарксистов и саму Розу Люксембург к концепции монополистического капитализма, популяризированной позднее Лениным в качестве империализма как высшей стадии капитализма.

Повышенным вниманием к крупным партиям, или, лучше сказать, к странам развитого капитализма, объясняется один удивительнейший факт в работе Лондонского конгресса II Интернационала. На этом конгрессе дискуссия о Польше имела лишь второстепенное значение и уж совсем был обойден молчанием ирландский вопрос, причем как раз в момент, когда на голосование, хотя и как бы между прочим, был поставлен вопрос о праве на самоопределение. А ведь английская делегация все-таки насчитывала 475 делегатов, тогда как всех остальных было 293 человека, а после удаления анархистов — и того меньше. Известно, что, за исключением парламентского комитета, демократической социалистической федерации и независимой партии труда — слабых в политическом отношении организаций, предшественников созданной в 1900 году лейбористской партии, — основное ядро английской делегации составляли тред-юнионы. Это был тот самый раскол, о котором предупреждал Маркс, говоря об английском рабочем движении, имеющем тенденцию к корпоративизации по цеховому и профессиональному признаку, к защите профессиональных интересов даже в новых индустриальных федерациях, — движении, ведущем борьбу за сохранение условий найма и заработной платы, которые оказываются под угрозой из-за конкуренции ирландской рабочей силы. Так сегрегация внедрилась в рабочий класс (подобно тому как она вошла в городские кварталы), и через рабочие организации политический фактор оказался подчиненным защите социальных условий. Из-за подобной реформистской ограниченности ирландский вопрос исчез, или лучше сказать, Ирландия была молчаливо приговорена подчиниться английскому закону. Последствия этого явления не замедлили сказаться на II Интернационале, и Лондонский конгресс принял решение не выносить на обсуждение ни ирландский вопрос, ни вопрос об Эльзас-Лотарингии. Таким образом, господствующими интересами стали исключительно интересы рабочего движения развитых стран, отождествленные Бернштейном в том же 1896 году с интересами свободного развития высокоцивилизованных великих народов европейской культуры.

Итак, борьба ирландских рабочих (так же как и их представитель Джеймс Конноли¹) оказалась в изоляции. В 1896 году Конноли, возвратясь из Шотландии, где он участвовал в деятельности Социалистической лиги, основал в Дублине Ирландскую социалистическую республиканскую партию, в программе которой выдвигалась задача объединения национальной и рабочей борьбы. Хотя он и не был теоретиком, но объяснял смысл соединения двух движений, национального и рабочего, в перспективе социалистической революции через революцию национальную: «Национальная и экономическая свобода должна завоевываться одним и тем же образом — путем установления Ирландской социалистической республики и ее преобразования, в результате чего средства производства и обмена перейдут в коллективную собственность общества, которыми будет владеть и управлять демократическое государство в интересах всего общества в целом». И далее: «Полагаться на национализм без социализма, без реорганизации общества на основе более широкой и развитой формы общественной собственности, наподобие той, которая лежала в основе социальной организации древней Ирландии, может только тот, у кого мозги настроены на националистический капитулянтский лад».

Не случайно по ирландскому вопросу Конноли ссылается на Маркса и Энгельса в оправдание того, что он имел национальным революционаризмом, так как национальное восстание представляется ему делом ближайшего будущего. Конноли кончил трагически: возглавив «Ирландскую гражданскую армию», созданную в 1914 году, он погиб мученической смертью в конце ирландской пасхи 1916 года. Его вера социалиста привела его к мысли о том, что это восстание должно быть делом рук трудящегося класса и должно положить конец английскому и капиталистическому господству. Национальная революция, считал он, — одновременно и революция социальная.

Данная аргументация также заимствована у Энгельса, и те же мысли положены в основу истории Ирландии, опубликованной Конноли в 1910 году под названием «Рабочий класс в истории Ирландии» («Labor in Irish History»). Эта книга построена на классовом анализе, на обосновании политики союзов и дифференциации. Ирландская буржуазия, писал он, предала дело борьбы за национальное освобождение

¹ См.: *J. Connolly. Socialism and nationalism. Dublin, 1948; J. Connolly. Select Writings. London, 1973; J. Connolly. Select Political Writings. London, 1973; J. Connolly. Labor in Irish History. Dublin, 1966; F. Bedarida. Le socialisme et la nation: James Connolly et l'Irlande. — In: "Mouvement social", 1965, № 52.*

ние; мелкая буржуазия, напротив, патриотична, но не революционна, она не доводит до конца национальную борьбу; только ирландский рабочий класс способен стать революционным, благодаря борьбе за национальное освобождение. Это пояснение Конноли, выраженное чеканным и ясным языком, основано на опыте его жизни в эмиграции в Соединенных Штатах, где он был активным членом организации «Индустриальные рабочие мира», сотрудничал с Даниелем Де Леоном и к моменту возвращения в Ирландию в 1910 году перешел на позиции революционного синдикализма. Конноли стал генеральным секретарем профсоюза транспортников, оставаясь в то же время во главе Ирландской социалистической партии.

В установлении связи рабочего и национального движения он исходил из рабочих, едва ли не утрированных требований и, следовательно, занимал позицию, отличавшуюся от позиции 1896—1897 годов, по своей сути глубоко популистской. Тогда Конноли отождествлял пролетариев и все классы, являющиеся жертвами эксплуатации, с угнетенными народами: «Республика, которую я хотел бы предложить в качестве идеала своим соотечественникам, должна быть скроена из такого материала, чтобы одно упоминание ее имени служило маяком для угнетенных всех стран... для крестьянина, задавленного алчностью земельных собственников и американской конкуренцией... для наемных рабочих города, измученных притеснениями рабовладельческого капитализма... для сельскохозяйственного рабочего, истощенного усталостью... то есть для всех тех миллионов трудящихся, нищета которых служит фундаментом здания современной цивилизации, на первый взгляд столь привлекательного... Ирландская республика могла бы стать ориентиром для повстанца, пристанищем для угнетенного, отправной точкой для социалиста, готового на подвиги во имя свободы человека».

В этом сострадании перед лицом нищеты всех эксплуатируемых, унижений в ходе бесконечного социального деклассирования, связанного в Ирландии еще и с насилием колониального угнетения, звучат нотки популизма в духе колонизованного «третьего мира», заставляющие вспомнить о Фаноне. Жизнь и борьба Конноли как бы предвосхищают некоторые формы национального синдикализма, сопровождающего национально-освободительные движения, а также те социалистические цели, которые эти движения ставят перед собой в наши дни. Но именно потому, что Конноли многое предвосхитил, современники его и не поняли.

В ходе дикуссии, начатой на Лондонском конгрессе, в результате столкновения между Розой Люксембург и поль-

ской социал-демократической партией Каутский тоже постарался не поднимать ирландский вопрос, так как из-за своего капиталоцентризма во главу угла он ставил проблемы Центральной Европы. Кроме того, Каутский расходился с Конноли, не ведая об этом, в таком существенном вопросе, как значение языковой проблемы. Конноли, считая борьбу за национальное освобождение по сути своей борьбой политической, не придавал большого значения этой проблеме. Так, в одной из статей 1898 года он, высказываясь о «движении в защиту языка», подчеркнул, что страсти, разгоревшиеся из-за гэльского языка, могут обернуться «слишком эгоцентричным подходом» к проблеме национального освобождения. Напротив, Каутский, именно принимая во внимание значение языковой проблемы, полагал, что в отношении южных славян национальный вопрос будет не так легко урегулировать, как заявляет Роза Люксембург. Национальные различия связаны с языком, и этот уровень отношений представляется Каутскому не менее важным в социальном плане, чем торговые отношения в экономической области. Национальность, следовательно, является такой культурной реальностью, применительно к которой необходимо подождать организацию государства. Это становится особенно необходимым в момент, когда развитие капитализма, идущее на пользу самому рабочему классу, приводит к созданию государств с обширной территорией. По этой причине Каутский, сосредоточиваясь на дискуссии вокруг Центральной Европы, поставил на повестку дня не только национальный вопрос, но и вопрос о национальностях.

Таков смысл его ответа Розе Люксембург на страницах «Нойе цайт» (1895—1896) в статье, озаглавленной «Finis Poloniae» [«Конец Польши»]. Каутский заявляет здесь о своем согласии с Люксембург в отношении необходимости пересмотреть вызванные конкретной обстановкой позиции Маркса и Энгельса, особенно потому, что «национальная независимость не настолько прочно связана с интересами рабочего класса, чтобы она стала безусловным фактором и ее следовало бы защищать при любых обстоятельствах». Уже в этой осторожной формулировке нельзя не заметить понимания значения национальной проблематики для рабочего движения. Пусть права национальностей — и не принципиальный вопрос, тем не менее необходимо принимать в расчет их политическую напрузку. В конце концов мы снова возвращаемся к феномену культуры и национального чувства. По мнению Каутского, Роза Люксембург не учитывает этой обусловленности и приходит к абстрактным выводам. Он подчеркивает, что «языковое сообщество представляет собой связь более прочную, чем единство действий в политической борьбе».

8. Австрийский компромисс и дискуссия в России (1898—1905)

В 1848 году, если не считать спорадических порывов аристократии и крестьянских выступлений, национальные движения в Центральной Европе были по существу буржуазно-либеральными. К концу XIX века различные отряды рабочего движения относят себя к национальным и являются составной частью борьбы за национальное освобождение, а иногда и сами превращаются в национальные движения. Эта трансформация с особой силой обнаружилась в Австро-Венгерской империи, что было вызвано не только существованием в ней ряда национальностей, но и последствиями экономических преобразований. В сельскохозяйственных областях, например в Чехии и Моравии, возникли индустриальные центры, города стали играть роль магнитов, притягивающих к себе деревенских жителей. Последствия были двойного рода: изменился национальный и социальный состав городского населения, возросли диспропорции между разными областями. Внутренняя миграция трудящихся и безработных только подлила масла в огонь национального вопроса. Межрегиональные экономические диспропорции повлекли за собой общее деклассирование в обнищавших областях, поразившее главным образом мелкую буржуазию и крестьянство в целом. Социальная ненависть приобрела теперь облик ненависти национальной, направленной против тех территорий городов или городских кварталов, где, казалось, было сосредоточено все богатство, где проживали в основном немцы, а также против аристократической и буржуазной, банковской, бюрократической и космополитической столицы империи. Урбанизация привела к распределению по категориям населения старых кварталов, где процветала городская беднота, и пригородных районов. Распределение это произошло согласно национальному признаку. «Быть чехом в Вене,—пишет Гаупт,—значит быть пролетарием». В результате контактов с новыми иммигрантами и как реакция меньшинств возникло явление, когда горожане решали дегерманизироваться, чтобы снова обрести язык предков; Прага из немецкого города превратилась в город с чешским большинством; в Вене четверть населения оказалась чешской; в Триесте возросло славянское население. На юге империи выступали против итальянцев, среди славян — против венгров и против немецкого засилья, не говоря уж об антисемитизме, расцветшем главным образом в Вене,—повсюду разгорелась «война рас», будь то на рабочем месте или по месту жительства, по поводу любых массовых мероприятий, начиная со спортивных состязаний.

Сегрегация дала знать о себе в самом рабочем классе:

его организация, первоначально немецкая по составу, оказалась под угрозой в связи с притоком сначала в профсоюзы, а затем и в социал-демократическую партию рабочей массы с ярко выраженной национальной дифференцированностью в условиях, когда не прекращались миграционные потоки, а славянский Юг играл роль резервуара рабочей силы. В итоге таких сдвигов и массовых явлений Австрия в конце XIX века превратилась в арену противоборства между немцами и чехами. А уже в начале нового столетия, в период экономического подъема, прерванного затем кризисом, еще более обострившим напряженность, конфликт этот стал повсеместным. Явно повторялось то, что уже произошло в момент становления пролетариата Западной Европы в середине XIX века, однако теперь этот конфликт разгорался в обстановке национальных противоречий, раздирающих уже сформировавшееся рабочее движение, и в ряде отношений его можно сравнить с конфликтами между эмигрантами, прибывавшими на Американский континент, или конфликтами, возникавшими в обществах, население которых складывалось в ходе колонизации (в Австралии, Новой Зеландии, Индонезии, но также в Корее, Маньчжурии, Южной Африке, Алжире, Тунисе или Египте). Этот конфликт предвосхищал противоречия и борьбу внутри освободительных движений в колониальных и отсталых странах в XX столетии.

В самом конце XIX века тот же конфликт дал знать о себе и в рабочем движении в России, особенно на Кавказе, где, по переписи 1897 года, согласно языковой принадлежности насчитывалось 16% турков, 14,5 — грузин, 12 — армян и 34% инородных элементов (русских, немцев, греков). В район Баку тогда стали вливаться широким потоком эмигранты из Ирана и Оттоманской империи (главным образом курды), а Российская империя по-прежнему оставалась «тюрьмой народов», особенно для финнов и поляков. К тому же империю захлестнула беспрецедентная волна злобного антисемитизма как раз тогда, когда еврейское население, главным образом на Украине и в Прибалтике, стало создавать первые организации рабочих.

Урбанизация, региональное и сельское деклассирование охватили также страны восточного Средиземноморья, прежде всего районы портовых городов и даже целые области, например Южную Италию, Сицилию и Сардинию, где возросла неприязнь к континенту и Северу, в том числе и к рабочим Севера. В Испании в результате появления промышленных предприятий в Каталонии и Стране Басков указанные выше явления накладывались на старые национальные противоречия. Последствия иностранной эмиграции стали заметны также в западноевропейских странах, рабочие организации которых считались образцовыми: в Германии стали ко-

ситься на поляков, во Франции возобновилась миграция, в Англии ирландцы по-прежнему подвергались эксплуатации.

Новая концентрация промышленности вызвала деклассификацию рабочей силы, и рабочие организации не поспевали за этим процессом, как из-за своей структуры, так и из-за образа мыслей, зачастую все еще носившего ремесленно-кустарный характер по сравнению с умонастроениями рабочих промышленности или новых профессиональных групп, которые создавали новые профсоюзные федерации. Несомненно, это явление лежало в основе трансформации старого анархо-синдикализма в революционный или реформистский синдикализм, сторонники которого стремились гарантировать легальным образом привилегированное профессиональное положение. Такова социальная реальность II Интернационала в те годы, когда его база расширялась, но в то же время повсеместно, в том числе и внутри него, усугублялась напряженность в межнациональных отношениях.

На фоне глубоких преобразований рабочего движения популизм и увриеризм издания 1848 года в конце концов стали выглядеть пережитком прошлого или привычкой придерживаться нравственных и демократических позиций, в рамках которых интернационализм и братство народов восходят к принципам равенства всех представителей рода человеческого. В то же время социалистические партии — будь то существовавшие социал-демократические партии, или рабочие ассоциации наподобие бельгийской рабочей партии и партий, зарождавшихся в Южной Европе и Франции, или же лейборизм Северной Европы (лейбористская партия была создана в 1900 году), — хотя и не порвав с национализмом, выступили под знаменами нового интернационализма, предусматривавшего мир между народами и признание национальных рамок государств. Лейборизм в Австралии и Новой Зеландии (где он превратился в политическую силу большинства, обосновался в правительстве или оказался близким к этому задолго до того, как эта проблема стала на повестку дня в Западной Европе) и колониальные профсоюзы в Северной Африке, заявлявшие о своей ориентации на интернациональный социализм, практиковали расовую дискриминацию или были подвержены ксенофобии, как об этом свидетельствует пример Соединенных Штатов. В различных более или менее крупных партиях утвердились течения, выражавшие национальные интересы. Представители этих течений выступали с позиций превосходства европейской культуры, а подчас переходили, подобно ряду первоначально революционно настроенных интеллигентов, на позиции откровенного пролетарского национализма.

Таковы были проявления того, что можно было бы назвать двойным отходом от марксизма: с одной стороны, марк-

системная мысль отдалялась от реального развития рабочего движения, была не в состоянии анализировать его или же склонна была отвергать эту реальность; с другой — марксистов затягивало в националистическое идеологическое течение как в теории, так и на практике. Отход был двойным также и из-за пропасти, разделившей различные национальные лагеря и свидетельствующей о наличии явной демаркационной линии между Востоком и Западом Европы. В конце концов этот процесс затронул и рабочее движение, вскрыв антагонизмы между социализмом национальных государств и рабочими движениями на национальных перифериях или организациями, связанными с национально-освободительными движениями.

Можно понять беспокойство Виктора Адлера ростом сил, угрожавших перевернуть государство вверх дном и тем самым подорвать перспективы австрийской социал-демократии. В программе, принятой на Гайнфельдском съезде 1889 года, эта партия согласилась признать государственные рамки Австро-Венгерской империи и оставила в стороне национальный вопрос, заявив, что «привилегии национальностей, равно как и привилегии, связанные с рождением и расой», подлежат осуждению и что «борьба против эксплуатации должна носить интернациональный характер, как и сама эксплуатация». Но в 1897 году на Вимбергском (Венском) съезде под давлением национальных меньшинств, в первую очередь чехов, а также словен, галицийских поляков и закарпатских украинцев, австрийская социал-демократия, чтобы спасти партию от развала, отказалась от своей централизованной структуры в пользу организации по федерациям, с шестью автономными секциями: немецкой, чешской, русинской, польской, итальянской и словенской. Единство этого малого Интернационала должно было обеспечиваться общими для всех институтами, всеимперским исполнительным комитетом и проведением съездов раз в два года. Так впервые в истории партия марксистского направления порвала с централизмом и организовала свою работу по национальному принципу. Дискуссия по национальному вопросу возобновилась в связи с оргвопросом, и федеративный принцип, принятый в партийной работе, был перенесен в качестве программного применительно к Австро-Венгерской империи. После выборов 1897 года впервые в парламенте стали заседать и представители рабочих, и представители национальностей. Чтобы спасти государственные рамки империи, партия решила принять новую программу на Брненском (Брюнском) съезде — намеченном на февраль 1899 года, но проведенном в сентябре — в связи с усилением национальных требований!.

† См.: *Mommsen. Die Sozialdemokratie; A. G. Kogan. The Socialdemo-*

Все предложения по программе сводились к требованию федеративного решения проблемы, но за этим федерализмом скрывались весьма различные цели. Наиболее общие взгляды на федерализм, зато и в наиболее последовательной форме, позволявшей использовать их в качестве ориентира, изложил Каутский на страницах «Нойе цайт». По Каутскому, федеральное государство — это государство национальностей, в котором ликвидированы традиционные внутренние границы между землями и изменена структура администрации с учетом по возможности языковых границ — а значит, сделана попытка улучшить территориальное разграничение на национальной основе — и наконец в рамках этих территорий гарантированы культурные права существующих меньшинств. По сути, речь шла о решении проблемы путем территориальной автономии и проведении мероприятий в культурно-языковой области. Но было предложено и другое решение — на основе внетерриториальной автономии. Так, словенский делегат Этбин Кристан сослался на сделанное еще Кошутом в 1848 году предложение предоставить либеральный статут движениям южных славян в Венгрии. Он предлагал организовать национальности в сообщества или корпорации на основе предоставления им особого статуса по образцу сословий старого режима, наделив их административной властью прежде всего в области правосудия и школьного образования. Граждане становились бы членами сообщества в индивидуальном порядке, а не в зависимости от места жительства; административные вопросы решались бы самим сообществом автономно.

Этот тезис развил молодой юрист социал-демократ Карл Реннер, которому было суждено играть все возрастающую роль. В феврале 1899 года в Вене он опубликовал (под псевдонимом Синоптикус) свой проект «Государство и нация». Его план предусматривал сочетание деятельности внетерриториальных корпораций и учреждение гражданских регистров с указанием общинных прав. За образец для своего статуса национальностей Реннер явно брал организацию жизни религиозных общин — так сказать, корпораций, построенных по принципу духовного самоуправления, а также управления общинным имуществом, — общин, существовавших в качестве религиозных меньшинств (господствующая религия не нуждалась в уставных гарантиях). В частности, можно предположить, что эту корпоративную внетерриториальную структуру подсказал пример общинных еврейских организаций.

crats and the Conflict of Nationalities in the Nabsburg Monarchy. — In: "Journal of Modern History". 1949, № 3; R. Gaillissot, P. Taffani, A. Orsini. Le Congrès de Brünn, une interprétation. — In: "Pluriel-débat", 1975, № 4.

Этбин Кристан отстаивал на съезде территориальный подход к решению проблемы, утверждая, что «никакое решение невозможно» без «отделения идеи нации от идеи территории», и требуя предоставления права «всем народам, населяющим Австрию, независимо от занимаемой ими территории, создавать автономные группы, которые бы сами решали свои национальные дела [в области языка и культуры] на основе подлинной независимости». Мнение руководства партии, высказанное представителем его умеренного крыла Виктором Адлером, натолкнулось на оппозицию возглавляемой Немцем чешской делегации. Руководство партии стремилось сохранить структуру империи, ставя во главу угла организационный вопрос и немецкий язык. Проект программы, предложенный съезду, соответствовал указаниям Каутского: в нем говорилось об «автономных национальных территориях, которые по возможности должны совпадать с языковыми границами». Хотя в проекте программы и отвергалась — с целью «не признавать никаких национальных привилегий» — идея государственного языка, в нем все же говорилось о необходимости сохранения немецкого языка как средства межнационального общения.

Эти гегемонистские посылки вызвали на съезде острую полемику, и в конце концов текст был отредактирован так, чтобы получилось приемлемое для всех компромиссное решение. В программу были включены элементы предложений сторонников внетерриториальной автономии, в ней содержалась общая схема федеративной структуры государства, и из нее были удалены упоминания о роли немецкого языка. В статье 2-й окончательного варианта программы предусматривалось создание «вместо исторических стран Короны... национальных самоуправляющихся корпораций, чьи законодательные и административные функции будут определять национальные палаты парламента, избранные путем всеобщего и прямого голосования», а в статье 3-й говорилось о «территориях, самоуправляющихся одной и той же нацией, образующей однородный союз, который решает все национальные вопросы полностью автономно». Окончательный вариант пришлось написать таким туманным и запутанным юридическим языком, лишь бы достичь единодушия по программе съезда.

Итак, в этом документе, построенном на основе федеративного принципа, содержался итог всей противоречивой дискуссии по территориальной автономии и языковым и культурным правам. По этому компромиссному тексту, по этой туманной программе в дальнейшем занимали позиции различные социалистические партии и фракции, происходили столкновения, вплоть до раскола, между течениями и руководителями, формулировались его интерпретации и экстрапо-

ляции, которые сами служили затем основой для новых тезисов по национальному вопросу. Программа, разработанная в Брно, использовалась либо в качестве ориентира, либо в качестве примера омерзительного документа, каким его считали главным образом большевики. Но в момент принятия этой программы казалось, что решение национального вопроса наконец найдено, и как сказала сама Роза Люксембург, это — «первая попытка, предпринятая какой-либо пролетарской партией, на практике разрешить эти трудности».

Бриенская программа способствовала прежде всего переносу дискуссии из Австро-Венгрии, где эта дискуссия имела центральное значение, в Россию, где положение национальностей было иным, поскольку сепаратизм там обосновался, так сказать на периферии, охватив Польшу, Финляндию и Прибалтийские страны. Однако положение национальностей в России было аналогично положению национальностей в Австро-Венгрии в том смысле, что в связи с миграциями обострилась национальная рознь, как, например, на Кавказе, и существовал еврейский вопрос.

Под натиском махрового антисемитизма еврейское население, в значительной массе обнищавшее, вынуждено было присоединиться к основному потоку европейской эмиграции в Америку, и только незначительная часть евреев предпочла эмигрировать в Палестину, воплощение тысячелетней мечты еврейского народа, мечты, которая повзвала в дорогу «хове-вей Цион» («возлюбленных Сиона») на исходе XIX века. Те же, кто остался, и прежде всего еврейские трудящиеся, стояли на передовой линии борьбы за рабочее дело, будучи весьма восприимчивы к марксизму. В 1897 году в Вильно был организован Союз еврейских рабочих — Бунд. Наибольшую популярность он обрел накануне революции 1905 года. Основу Бунда составляли главным образом высококвалифицированные рабочие, и рабочие-ремесленники. Именно этот потенциал, усиленный еврейской интеллигенцией, превратил Бунд в главного передатчика социалистических идей и документов в Российскую империю. Относительный регресс Бунда после 1905 года объяснялся прежде всего появлением новой рабочей базы — хотя и носившей еще локальный характер — на стройках, в шахтах, промышленных районах, где закладывалась довольно-таки неоднородная основа Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В частности, именно благодаря синдикализму большевизм обеспечил себе в дальнейшем возможность неуклонного продвижения вперед¹.

¹ О Бунде см.: *H. J. Tobias. The Jewish Bund in Russia from its origins to 1905. Stanford U. P., 1972*; о России см.: *R. Pipes. The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism. Harvard University Press, 1954.*

Когда в 1898 году в Минске была создана РСДРП, Бунд участвовал в съезде в качестве «автономной организации для решения вопросов, касающихся в особенности еврейского пролетариата». В ходе бурного подпольного съезда 1903 года Ленину удалось добиться — хотя и временно — принятия своей концепции партии, изложенной в работе «Что делать?», и создать авангардное унифицированное ядро партии в обход каких бы то ни было национальных особенностей. В результате из РСДРП вышел как Бунд (после того как его отказались признать единственным представителем еврейского пролетариата и не приняли его предложение об организации партии по федеративному принципу с учетом национальных особенностей), так и партия, в которой вела свою борьбу Роза Люксембург и которая после объединения с Рабочим союзом Литвы в 1900 году стала называться Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). И опять организационный вопрос дал толчок дискуссии по национальному вопросу. В основном дискуссия велась вокруг вопроса о партии, ибо она еще только создавалась, и сторонники федеративной организации выступали против унитарного централизма. Где-то на втором плане обсуждался, однако, и национальный вопрос, поскольку орудие пролетарского единства, каким должна быть «большевистская» партия, нельзя создать при разъединении по национальному признаку. Против такой позиции выступали те, кто отстаивал одновременно политическую автономию — защищая демократию от опасностей, грозящих ей со стороны руководства исполнительными органами партии, — и национальную автономию, чтобы таким путем прийти к единству действий пролетариата.

Чтобы избежать обхода национального вопроса, съезд, или, точнее, группа, имевшая тогда большинство — отчего ее члены и стали именоваться большевиками, — включила в программу ставший впоследствии знаменитым 9-й пункт: право наций на самоопределение — формулировку, которую, как утверждал Ленин, он позаимствовал из резолюций Лондонского конгресса II Интернационала. В соответствии с этим принципом в программе говорилось о признании «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Задача отразить в программе позицию по национальному вопросу в виде не подлежащей сомнению формулировки была чрезвычайно срочной по той причине, что социалисты-революционеры — конкуренты РСДРП, пользовавшиеся тогда гораздо большим влиянием, — могли получить преимущество благодаря наличию в их программе 1903 года и концепции федерализма и принципа культурной автономии, то есть австрийской формулировки, наряду с «полным и безусловным правом на самоопределение».

До 1901 года Бунд выступал только с требованием — записанным в резолюции его III съезда, проведенного в Ковно, — «гражданской, а не национальной» эмансипации, то есть добивался равенства прав. На IV съезде, состоявшемся в 1901 году в Белостоке, предлагался уже федеративный принцип внутерриториальной культурной национальной автономии: «Съезд считает, что Россия должна стать федерацией наций, имеющих свою полную национальную автономию независимо от заселяемой ими территории». Таким образом, было заимствовано решение национального вопроса, предлагавшееся в Австрии Реннером. Подобного рода ориентация на федеративное государство при уважении и осуществлении культурной автономии была подхвачена и развита социалистическими течениями на Кавказе, которые вели споры о присоединении рабочих-армян, если только организация уже не состояла из трудящихся этой национальности, как, например, две фракции Армянской революционной федерации, которая, впрочем, клонилась к упадку. Большевики опирались на Кавказский союз РСДРП, созданный в 1903 году, между тем как самая значительная на Кавказе Армянская социал-демократическая рабочая организация, считавшаяся меньшевистской, так же как Бунд и Польская социалистическая партия, вышла из РСДРП, отвергнув ее программу 1903 года и ее 9-й пункт и потребовав внутерриториальной культурной автономии, более соответствовавшей сложностям национального вопроса на Кавказе, и в частности в Баку, в связи с существованием грузинского национализма.

В такой ситуации впервые на арену выходит Сталин, который, отсидев в тюрьме и сбежав из сибирской ссылки, попал в Тифлис в начале 1904 года, где стал руководить Кавказским союзным комитетом РСДРП. Как выразитель позиции оформившегося в 1903 году большевистского течения, он опубликовал на грузинском языке статью «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» (сентябрь 1904 года)¹, в которой обрушился на грузинскую партию за рубежом (в Париже и Женеве), то есть на грузинскую федералистскую партию, сложившуюся вокруг газеты «Сакартвело» («Грузия») — партию, объединившую сторонников федеративного принципа. Сталин осудил также позиции армянских социалистов, назвав их требования буржуазными, чуждыми подлинно классовой точке зрения².

Значит, с классовой точки зрения выступает сам Сталин, следуя за ходом мыслей Каутского и Розы Люксембург: «... „Национальный вопрос“ в разные времена служит различ-

¹ И. В. Сталин. Соч., М., 1951, т. I, с. 32—55.

² A. Terminassian. Les cas arméniens: socialistes et marxistes et la question nationale. — In: "L'expérience soviétique et le problème national". Paris, 1978.

ным интересам, принимает различные оттенки в зависимости от того, какой класс и когда выдвигает его». Описание Сталиным грузинского национализма почти слово в слово повторяет описание Розой Люксембург польского национализма, который она осуждает, говоря, что национальный вопрос сначала был выдвинут дворянством, выступившим с требованиями «феодално-монархического национализма», а затем буржуазией, неспособной добиться независимости. «Наше экономическое развитие, — пишет Сталин, — постепенно прокладывает мост между передовыми кругами грузинской буржуазии и «Россией», экономически и политически связывает эти круги с «Россией» и тем самым расшатывает почву и без того расшатанного буржуазного национализма». Теперь «на арену борьбы выступил новый класс, пролетариат», чтобы решить «новый „национальный вопрос“», который следует ставить на основе принципа пролетарского единства: «Но для победы пролетариата необходимо объединение всех рабочих без различия национальности. Ясно, что разрушение национальных перегородок и тесное сплочение русских, грузинских, армянских, польских, еврейских и проч. пролетариев является необходимым условием победы российского пролетариата».

Но как свергнуть «злейшего врага российского пролетариата» — царизм, который одновременно «притесняет со всех сторон «чужие» национальности»? Быть может, «разделиться на отдельные национальные партии и создать из них свободный союз»? Нет, наоборот: надо «пролетариев объединить в одну партию», учитывая, что «...до настоящего времени первейшим вопросом для нас был вопрос о том, в чем сходятся между собой пролетарии национальностей России, что общего между ними, — чтобы на почве этих общих интересов построить одну централизованную партию рабочих всей России». Налицо кардинальное расхождение между двумя линиями поведения: «Второстепенные для централиста «национальные различия» становятся для федералиста фундаментом национальных партий».

Чтобы пролетариат был в состоянии решить национальный вопрос путем социалистической революции, требуется, по мнению Сталина, только одно предварительное условие — создание централизованной партии, как указывал Ленин в работе «Что делать?». Что касается всего остального, то Сталин повторяет Каутского, стремящегося сокрушить национальные барьеры, и комментирует партийную программу, обещавшую в 7-м пункте «полное равноправие всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности», обходя молчанием 9-й пункт, где говорится о праве на самоопределение. В 8-м пункте содержится требование о «праве населения получать образование на родном языке», и Сталин комментирует: «Язык — орудие развития и борьбы», «интере-

сы российского пролетариата требуют, чтобы пролетарии национальностей России имели полное право пользоваться тем языком, на котором они могут более свободно получить образование». Высказываясь о тех, кто требует автономии, Сталин признает, что самоуправление, конечно, необходимо «для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения», но снова подчеркивает необходимость политического централизма в партии, ставящей себе цель руководить борьбой пролетариата всей России.

Хотя в высказываниях Сталина под покровом рассуждений о необходимости централизма в области классовой педагогики можно заметить сочетание грузинского национализма (вопрос о языке) с русским национализмом (вопрос о государстве), там не менее у него мы еще не можем обнаружить никакой цельной концепции нации — столь не связаны между собой отдельные элементы его работы. На практике же это его выступление в печати привело к тому, что в 1905 году был запрещен прием в РСДРП армянских национальных организаций, а это в свою очередь только усилило оборонческие позиции и углубило специфическую особенность армянских организаций («обособленность») среди социалистических течений армянского пролетариата, который в то время был самым многочисленным на Кавказе.

Бунд со своей стороны еще упорнее настаивал на культурной автономии, считая, что революция 1905 года вызывает необходимость скорейшего уточнения программы по национальному вопросу. Это уточнение было сделано на Цюрихском съезде Бунда в октябре 1905 года путем включения в программу параграфа, предусматривавшего «национально-культурную автономию». Все связанные с культурой вопросы (об образовании и т. п.) должны были передаваться из ведения местных и областных органов власти узаконенным общенациональным, местным и центральным институтам, избираемым прямым, тайным и равным голосованием, в котором должны принимать участие все члены данной национальности.

Эта автономистская платформа была прокомментирована в изданной в Вильно в 1906 году брошюре Владимира Медема «Национальный вопрос и социал-демократия». Разъясняя бундовский проект решения национального вопроса, Медем ссылаясь на австрийские тексты и привел в приложении перевод выступления Каутского о положении национальностей на Кавказе. Автономистский путь решения национальной проблемы Медем оправдывал положением евреев в России, где процесс ассимиляции в отличие от того, что происходило на Западе, прервался. Именно угнетение евреев царским само-

державием создало «специфику условий жизни еврейского народа». Медем критиковал тех, кто полагает, будто «их задача заключается в обеспечении существования еврейской культуры» путем создания материальной базы посредством как проникновения сионизма, так и предоставления евреям обособленной территории в России. Он заявлял: «Мы не отвергаем национального характера культуры, мы отвергаем националистическую политику». Таким образом, Медем выступил за сохранение еврейской национальной культуры посредством проведения в жизнь мероприятий в сфере языка и образования, то есть такой практики, которая, по его мнению, полностью совместима с необходимостью унитарной борьбы пролетариата и чужда каким бы то ни было территориальным притязаниям. Несмотря на двусмысленность понятия «еврейский народ», Медему удалось дать в общих чертах анализ национальности с точки зрения культуры и подойти к такой впервые сформулированной дефиниции понятия нации: «Нация — это совокупность всех индивидов, принадлежащих к одной определенной культурно-исторической группе независимо от их географического распределения». Впоследствии Сталин почти слово в слово вывернет эту формулировку наизнанку.

Против этой попытки оторвать культуру от территориальной привязки, а национальность — от государства выступили члены Поалей-Цион («рабочие Сиона») — сионистской социалистической партии, оппонента Бунда, — и ее теоретик Бер Борухов. Речь идет о группах интеллигенции и рабочих, главным образом из прибалтийских общин или из эмиграции, которые соперничали с Бундом даже в сфере марксистской и социалистической аргументации, из-за чего внутри этих групп было немало разногласий. В 1904 году «территориалисты» приняли программу поселения евреев в России, отказавшись от сионизма в строгом смысле слова. В 1905 году «сеймисты» (от слова «сейм» — парламент) выступили с требованием создавать еврейские национальные парламенты по образцу юридической внутритерриториальной схемы, предложенной Реннером, и тем самым из-за этой их государственно-институциональной перспективы отмежевались от Бунда, программа которого носила сугубо культурный характер. Впоследствии «сеймисты» вошли в состав Социалистической еврейской революционной партии (СЕРП), основанной в 1906 году в Киеве. Так что Борухову пришлось бороться и против Бунда, и против этих диссидентов, когда он попытался найти марксистское объяснение необходимости переселения в Сион, смешав воедино две утопии: одну — о еврейском граде, другую — о граде социалистическом — и предложив перенести построение социализма в Сион. Таков, в частности, был смысл его статьи «Классовая борьба и национальный вопрос», опубликован-

ной в декабре 1905 года и содержавшей аргументацию будущей программы («Наша платформа», 1906) партии еврейских трудящихся. Поскольку Борухова более всего занимал вопрос о том, где же в конце концов поселиться еврейскому народу, взгляды его, по сути, носят территориальный характер¹.

Еще одной отправной точкой в рассуждениях Борухову служил страстный национализм, что и понятно, если принять во внимание тогдашний разгул махрового антисемитизма. Осуждение Боруховом русского национализма привело его к изучению причин возникновения на почве национализма реакции (по его мнению, это вызывалось конкуренцией среди мелкой городской буржуазии), и таким путем он выявил место евреев на социальной лестнице и среди профессий, к которым они допускались. Условия экономической жизни евреев он установил, изучив аномалии их существования.

По сути, Борухов придерживался установок Каутского и Розы Люксембург, то есть экономической линии марксистской ортодоксии. Согласно этой линии, понятие нации сначала возникает у знати, затем усваивается буржуазией, прежде чем стать (так считал Каутский) или перестать быть (так считала Люксембург) источником антагонизма пролетариата и буржуазии, двух классов зрелого капитализма. Нормальный ход капиталистического развития ведет к пролетарской революции, необходимо только, чтобы ход этого развития был нормальным, но в отношении евреев, считал Борухов, увы, не был таким. Национализм — по мнению большинства последовательных марксистов того времени — становится патологическим, когда господство буржуазии клонится к закату, и с ним необходимо бороться. Однако Борухов полагал, что для преодоления еврейского национализма нужно прежде всего обеспечить нормальные условия, создав еврейскую нацию. Таким образом, нация как феномен предшествует социалистической революции, представляя собой «стратегическую базу классово-вой борьбы». Евреи в России, находясь в аномальных классовых условиях в результате собственной замкнутости или насильственного оттеснения на обочину, образуют, писал Борухов, своего рода народ-класс. Создание еврейской нации обеспечило бы развитие классов и появление антагонизма между ними. Национальный характер капиталистического развития оздоровил бы национальное сознание и позволил бы пролетариату выработать классовое сознание.

Итак, в экономическом марксизме Борухов нашел необходимые элементы для конструкции своей программы по на-

¹ См. во французском переводе: B. Borokhov. La lutte de classe et la question nationale. Paris, 1969. Частично опубликовано в: "Partisans", 1970, № 52. Работы Борухова на иврите были изданы после 1955 года в Тель-Авиве.

циональному вопросу, но натолкнулся на два нерешенных вопроса: первый — о происхождении народа, так как ссылки на производственные отношения не дают на него ответа, и второй — об отсутствии национального сознания, так как для выработки его нет ничего, кроме классов. Вот почему Борухов одним из первых вскрыл марксистское противоречие в национальном вопросе, объясняющееся тем, что все свое внимание марксисты сосредоточили на других проблемах и это помешало им осознать роль коллективных факторов и в качестве способа общественных отношений, и в качестве общественного культурного и идеологического феномена. Борухов, конечно, не мог не заметить ряд особенностей, отличавших немецкий рабочий класс от английского, французского и т. д., равно как и от совокупности классов. В те же годы об этом недостатке марксизма писал и Жорес в «Социалистической истории Французской революции»: «Концепция экономического материализма, объясняющая крупные события в истории посредством классовых отношений, — это прекрасный путеводитель... но он не истощивает всей исторической реальности... Сами же классы, как таковые, не обладают классовым сознанием».

Борухов также пытается уравновесить зависимость общества от производственных отношений с помощью иного фундаментального определения, по его мнению, тоже связанного с экономическим материализмом, то есть с условиями производства. Он отмечает два вида деления человечества: «по горизонтали», связанное с классами и производственными отношениями, и «по вертикали», связанное с национальными различиями в экономике. «Относительно различные группы, на которые делится человечество в зависимости от условий производства, называются «обществом», социально-экономическими организмами (племена, роды, народы, нации). Группы, на которые общество делится согласно особым отношениям, связанным со средствами производства, называются «классами» (касты и т. д.)». Вследствие этого «национальная проблема должна бы определяться как конфликт между развивающимися производительными силами и состоянием условий производства».

Эти терминологические и понятийные колебания, выходящие далеко за рамки различия двух основ, проявляются и в перечислении «экономических условий»: 1) физические, климатические, географические условия; 2) антропологическое состояние рас; 3) исторические условия, в свою очередь носящие двойственный характер: внутренние условия, присущие конкретной группе, и внешние, определяющие межгрупповые отношения. Подобная эклектическая точка зрения может иметь тенденции к географическому детерминизму, связанному с территориальными условиями, или же к биоло-

гическому эволюционизму (расы). Но Борухов настаивает, скорее, на различии исторических условий в свете экологического объяснения, что довольно близко к Марксовым формулировкам о различиях «исторической среды». Так и кажется, будто вполне «законный развод» между экономическим марксизмом и этнологией мешает Борухову пользоваться категориями социального воспроизводства и приводит к признанию причинности, которая кажется материалистической, а на самом деле идет от натурализма.

Прочно привязанный к своей теории двоякого определения (национального и классового), Борухов пытается разрешить конфликт классового сознания. Согласно классическому переходу от сознания в себе к сознанию для себя, он сравнивает два вида сознания: «Общество, члены которого находились в одинаковых условиях производства, — это народ [в себе]. То же общество, на определенном этапе своего исторического развития переходящее к независимости, становится нацией [для себя].... Жизнь через посредство общественных производственных отношений способствует возникновению классового сознания и классового братства. В тех же производственных условиях жизнь приводит к обретению национального сознания и к чувству национального родства». В условиях нормального экономического развития народ подходит к национальному сознанию, избегая националистических извращений, через столь же обычное формирование классового сознания, особенно пролетарского. «Необходимо отдавать себе отчет в том, что классовое сознание не может развиваться нормально до тех пор, пока остается нерешенным национальный вопрос, в какой бы форме он ни ставился». Борухов развивал этот принцип, основываясь на платформе 1906 года, вплоть до момента, когда вновь занялся изучением еврейского вопроса, что привело его к созданию исследования «Экономическое развитие еврейского народа» (1914). В дальнейшем он занимал различные позиции в национальном вопросе и разрабатывал его еще в 1917 году. Однако он остался одиночкой и даже не вошел в Поалей-Цион, превратившийся в 1907 году во всемирную организацию. И произошло это только потому, что он был среди первых, если не самым первым, кто попытался по-марксистски увязать сразу оба понятия: и понятие «класса», и понятие «общности», — не говоря уже о том, что нации он предрекал долгую, если не вечную, жизнь, тогда как марксисты считали ее переходной категорией.

В то время как Борухов, сконцентрировав внимание на проблеме еврейского народа и определении его территориальности, пришел к подчинению и даже смешению понятий национального государства и национальности, Каутский уже в своих ранних работах отмечал, что в Центральной Европе нация весьма полиморфна и способна выжить благодаря

трансформациям. Он отличал национальности (выделяющиеся различием культуры, особенно языка) от нации, являющейся экономическим образованием и политической формой, связанной с государством капиталистического Запада и загнанной в рамки империй Центральной и Восточной Европы, которые должны быть реформированы с целью создания национальных федеральных государств. Каутский в своих указаниях все более подчеркивает эту сложность, когда кавказские социалисты просят его рассмотреть национальный вопрос в Российской империи, особенно в период революции 1905 года¹. В своем ответе он вновь настаивает на федеральности, пользуясь случаем придать своей точке зрения более историческое обоснование: «Нация — это не общность, данная природой — как предполагают теоретики расы, — а социальная совокупность, которая в различное время возникает из различных условий, принимает самые разнообразные формы и зависит от постоянного течения истории... Но каковы бы ни были различия между нациями, у них есть одна общая характеристика — это общность языка».

Каутский настойчиво защищает особое положение народностей «на Балканском полуострове, в Малой Азии, в Австрии» или же на Кавказе, где эти народности невозможно разделить территориально. «Отсюда и появляются национальные вопросы, непонятные для западного европейца и не разрешимые средствами Западной Европы».

Реально существующая проблема многих национальностей в дальнейшем усложняется миграцией в поисках работы, что создает резервную армию «еще необразованных пролетарских масс», которую тем более необходимо воспитывать в духе интернационализма. «Борющийся пролетариат прямо заинтересован в том, чтобы в его рядах воцарилась всеобщая международная солидарность». Эти замечания об иммиграции и заключение о целях пролетариата в дальнейшем будут подхвачены Сталиным, но для того, чтобы подчеркнуть необходимость единства и централизма партии. В 1913 году Сталин позаимствует у Каутского и объяснение последствий проникновения капитализма на Кавказ — что разрушало местную изоляцию, городские и общинные барьеры и вызывало необходимость национального объединения армян (как, впрочем, и поляков в других местах) в единую государственную организацию, — чтобы применить эти соображения по отношению к Грузии. «И тогда, — замечает Каутский, — возникает необходимость демократической организации государства... которая одновременно должна быть национальной и демо-

¹ K. Kautsky. Die Nationalitätenfrage in Russland. — In: "Leipziger Volkszeitung", 29 aprile 1905.

кратической [и которая] при многонациональной структуре не может найти иного разрешения, кроме как федерация национальных государств». Впрочем, именно революция разрешит национальный вопрос в России: «Если на смену абсолютистской России придет Россия демократическая, требование независимости наций может быть удовлетворено, даже если они останутся в рамках Российской империи, при условии преобразования этой империи и превращения ее в федеральное государство — „Соединенные Штаты России“».

В 1915 году эту формулировку будут обсуждать Ленин и Троцкий, впоследствии она ляжет в основу советской конституции. Значение этого текста, переведенного на русский язык Медемом в 1906 году в приложении к его брошюре, не столько в практическом применении, которое он получит — прежде всего у Сталина, — сколько в том, что именно в 1905 году он как бы уравновесил соображения о национальности и о нации, дополнив культурно-политическую концепцию, которая уже вырисовывалась в противоречивых дискуссиях по еврейскому вопросу. Дискуссии о культурной автономии и поисках национальных путей пролетариата готовят почву для более широкого теоретического обоснования национально-культурной общности, которое предпринял Бауэр. Следует также подчеркнуть, что революция 1905 года прошла и через это.

9. Отто Бауэр и национально-культурное развитие

«Во всех государствах европейской культуры в центр всех дискуссий ставится позиция рабочей социал-демократической партии в отношении национального вопроса». Значение этого вопроса усиливает революция 1905 года, замечает Отто Бауэр, который, однако, не принимает во внимание последствий пробуждения народов Востока. Революция 1905 года укрепила воинствующих революционеров и их сторонников в ожидании революции. Если на Западе продолжался процесс интеграции и эволюции легальности в рабочем движении — как это видно из профсоюзного реформизма и ревизионистского кризиса партий, чьи успехи на выборах вроде бы открывали перспективы вхождения в правительство, — то на Востоке вновь возникает возможность революции. На Западе же только крайне левые интернационалисты ставили в повестку дня этот вопрос. В Центральной Европе и на Балканах, а особенно в России революция казалась неминуемой, разразится ли она из-за национальных распри или из-за все более обостряющихся аграрных проблем, резко выявляя и подчеркивая различия между Российской империей и Австро-Венгрией также и в том, что касается национального вопроса.

Но в основе русской революции лежала русско-японская война и даже угроза возникновения мировой войны из-за столкновения великих держав в поисках союзников и из-за разгула агрессивного милитаризма. В этом смысле 1905 год был генеральной репетицией 1914-го. Воздействие национализма сильно сказывалось на рабочем движении. В 1911 году перед фактом распада единого профсоюза и раскола федеральной Социал-демократической партии Австрии Адлер комментирует: «Миф, согласно которому мы, социал-демократы, обладаем иммунитетом от национализма, окончательно развенчан». Это замечание прежде всего относится к Западу, где сторонники рабочего и революционного интернационализма начинают оставаться в меньшинстве. Хотя интернационализм каутскианского толка и интернационализм Жореса, призывая к солидарности наций, маскируют этот регресс, в действительности национализм проникает повсюду до такой степени, что в рабочем движении все дискуссии концентрируются вокруг патриотизма. До 1905 года все, кто открыто разжигал страсти вокруг национального вопроса, находились в абсолютном меньшинстве во II Интернационале, а те, кто открыто призывал к сохранению национального характера основных социалистических партий, исключая разногласия между ними, организационно не составляли большинства. После 1905 года национальный вопрос преобладает в двух аспектах: с одной стороны, он связан с проблемой национальностей и включением рабочего движения в движение национальное, а с другой — с победным шествием навязчивых идей националистического толка. Инверсия субъекта и объекта по сравнению с 1848 годом и «Манифестом Коммунистической партии» становится тотальной для рабочего движения.

В 1905 году возникает новый момент политического и идеологического обострения, что вынуждает партии и социалистическую науку определить свою позицию по национальному вопросу. Двойственный характер движения приводит теоретическую практику марксизма — в ходе ее разработки, — с одной стороны, к теории империализма, которая с некоторым опозданием вырастает из разоблачений милитаризма, с другой — к теории нации, к которой склоняется Бауэр, в то время как немало других теоретиков прилагают усилия к тому, чтобы увязать рабочее движение с национальной борьбой. Во всяком случае, не только национальный вопрос, но само понимание национальности и нации уже навсегда теряют в марксизме свою наивную простоту.

С юношеским пылом Бауэр стремится по-марксистски обосновать то, что можно назвать нацией. Он пишет толстую, более 500 страниц, книгу, отягощенную повторами еще не вполне сформировавшейся мысли, и публикует ее в Вене весной 1907 года. Книга называется «Национальный вопрос и

социал-демократия»¹. Сам Бауэр объясняет свою смелость тем, что он был воодушевлен ранним австромарксизмом, который, как позднее будет сказано, появился тогда благодаря неокантианской философии, а возможно, в связи с исключительно благоприятной интеллектуальной обстановкой в Вене тех лет. Для этого неокантианства характерна тенденция к психологическому пониманию коллективных явлений, и если, с одной стороны, оно приближается к социальной психологии сознательного и бессознательного, то, с другой — подталкивает Бауэра к тому, что впоследствии будет названо концепцией основной личности — конкретизацией в индивидууме наследственности и характерных черт социальных условий существования. Как в философии познания, неокантианство привлекает внимание молодых марксистов к рассмотрению интеллектуальной и культурной сфер, той надстройки, которую экономический марксизм тщетно пытался соединить с инфраструктурой. Молодежь «в старой Австрии, раздираемой национальными распрями, должна была понять, как следует применять марксистское понимание истории к сложным явлениям, отвергая любое схематическое и поверхностное применение марксистского метода».

Бауэр начал с некоторых теоретических принципов, как это явствует уже из последовательности глав его книги: 1) теория нации; 2) проблема национального государства, многонационального государства и автономии; 3) программа и тактика национальностей в социал-демократии Австро-Венгрии. «Основу книги, — замечает Бауэр в предисловии, написанном для переиздания 1924 года, — составляет попытка понять с помощью марксистской концепции изучения истории современные нации как общности характера, сформировавшейся благодаря общности судьбы». По сути, подобное определение представляет собой вывод из историко-психологических изысканий Бауэра. Именно поэтому его книга — фундаментальная для изучения исторических движений наций Центральной Европы путем анализа социальных и идеологических конфликтов.

Самое новое в книге Бауэра было изложено на страницах, посвященных социологии и социальной психологии. Здесь анализируется механизм межнациональных столкновений и расовой ненависти. Бауэр решительно порывает с прямолинейной концепцией марксистского эволюционизма, которой придерживалась Роза Люксембург; его книга — противостоит ее «Промышленному развитию Польши», где как раз отрицаются эти противоречия. Таким образом, он принимает во внимание национальное пробуждение «народов без исто-

¹ O. Bauer. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1907.

рии» и констатирует инверсию, которая делает их революционными, исходя из анализа реальности и фактов примитивного сознания и вскрывая на примере Австро-Венгрии то, что позднее подтвердит история освобождения от колониального ига. «Всегда и повсюду там, где народ поднимается против своих угнетателей, там, где силы господствующего класса общества противостоят национальной борьбе и где цель национальной политики соответствует разрушению господствующего режима, рабочий национален».

Поместив себя непосредственно в гущу «национальной борьбы», он рассматривает национальность для самой себя. Расовая ненависть, которая свирепствует в особенности среди мелкой буржуазии, переживающей конкуренцию и экономический кризис, распространяется и на производственные отношения и объясняется неравномерностью развития. Предваряя тезис о неравномерности обмена, Бауэр показывает, как различается реализация прибавочной стоимости в отсталых областях и областях развитого капитализма, в отношении рабочей силы и в смысле различий в стоимости. Но более важны для него социальные последствия миграции и место иммиграции в обществе, а не экономические процессы. Именно эмиграция порождает национальную проблему и переносит ее на политическую почву, внутрь самого рабочего класса, когда эмигранты сталкиваются с сегрегацией в кварталах гетто, отвергаемые превосходящими силами национализма. Социальные преобразования в Чехии и Моравии служат не просто фоном у Бауэра, а органически входят в его книгу, которая, таким образом, становится теоретическим документом, основанным на конкретном анализе, а не на идеологическом переложении классической капиталоцентристской схемы.

Возможно, именно изучение образа мыслей заставляет Бауэра настаивать на психологическом национальном характере своего тотализирующего определения. Национальность он рассматривает как социальную индивидуальность, как отличительный характер, зависящий от приобретенных черт и от воли, а лучше сказать, от опыта, формирующего личность. Но повторение психологической формулировки, естественно утомляющей читателя, сделано с целью отклонить какое бы то ни было расистское определение национального характера, который рассматривается с точки зрения психики и культуры и, таким образом, не связан с физиологическим наследием: «Именно различие культурных сообществ, несмотря на кровосмешения, строго разделяет нации». Впрочем, Бауэру настолько надоедает расистский лексикон, свойственный его времени, и он так стремится постичь духовную сущность понятия культурной общности, что в самокритичном предисловии 1924 года даже согласен принять то, что сам называет национальным фетишизмом. Психологический характер, эту на-

циональную психику, которая приведет в замешательство Сталина, Бауэр соотносит с историей: «Нация — это то, что есть у нас исторического», или же: «Общность характера есть устоявшаяся история». В этом — итоговое значение всего, что есть материального и духовного в формуле «общность судьбы», которую лучше было бы перевести как «общая судьба»¹, как советовал Лео Валиани.

В отличие от ортодоксальных марксистов с их экономическим эволюционизмом, Бауэр постоянно стремится показать двойственность становления человечества, хотя в большой мере упрощает этапы этого становления в смысле времени. По Бауэру, начиная с того, что он считает примитивным коммунизмом — по крайней мере с сельских общин, так же как и с германских и славянских племен, от пастушеских племен до племен горцев, — в изменениях первоначального языка и обогащении устной культуры проявляется развитие способов объединения, и именно эти сообщества являются хранителями определенного типа производственных отношений и классовых различий; отсюда в равной степени возникает специфичность культуры, выражающаяся в языке и передающаяся через язык.

В изучении языковых групп и ответвлений Бауэр весьма близок к Энгельсу и ссылается на «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Устная культура народна, однако в ходе развития социальных классов она становится достоянием господствующих классов; письменность также становится впоследствии культурой привилегированных. Так, Бауэр, считает, что культура рыцарского периода была элитарной, тогда как у крестьян она оставалась ограниченной их диалектами. Благодаря такой привилегии, как школа, буржуазная культура становится селективной, и только социализм сможет обеспечить полное развитие национальных культур — действительно национальных благодаря их общностному характеру. «То, что составляет нацию, уже не кровное единство и единство культуры, а единство культуры господствующих классов». И именно такому национально-классовому этапу кладет конец социализм с помощью освоения культуры всеми.

Все это объясняет и дополняет последовательность способов производства и возникновения классовых противоречий в ходе преобразования коллективистских структур, придающих значение и жизненность народности. Бауэр также пытается увязать оба ключевых понятия, когда пишет: «На политическую власть, на ее нарушения, на смерть и возрождение нации влияет изменение форм труда и производственных отношений». Мировые отношения в собственном смысле «ин-

¹ L. Valiani. Histoire du socialisme du XX-e siècle. Paris, 1948, p. 47.

тернациональны», тогда как история плюралистична благодаря разделению культур, развившихся из коллективных общественных образований. Интернационализм, не основанный на признании национальных культур, — это лишь «утопический космополитизм».

Поскольку Бауэр рассматривает культуру в ее преемственности, он зачастую не обращает внимания на постоянный процесс разрушения и обновления, который он, впрочем, признает. Иногда кажется, что он склоняется к «культурализму» и недооценивает влияния капиталистического нивелирования культуры (в чем его упрекал Каутский) или же принижает классовые противоречия, что подчеркивали еще до Ленина интернационалисты Штрассер и Паннекук. Но, определяя нацию через культуру (Бауэр не говорит в этом смысле о национальности), он выделяет ее как часть государства. Именно в этом заключается актуальность проблемы нации по сравнению с проблемами национальностей, весьма нестабильных элементов системы политической организации Центральной Европы, и в этом состояло возрождение актуальности проблемы в тот момент перед лицом сопротивления в области культуры, оказывавшегося национальными меньшинствами и лингвистическими группами в Восточной Европе. У Бауэра — четкий подход к вопросу о культурных сообществах, являющихся наследием истории, представляющих национальную идеологию и ограничивающих политическую борьбу стремлением к государственности. Социализм, не принимающий во внимание эту национальную автономию, реставрирует государственный гнет и, таким образом, теряет свой демократический характер. Культурная автономия есть в то же время осуществление демократической политики.

Бауэр не дает определения нации как исторически сложившейся общности, поскольку считает это понятие априорно необъяснимым, но идет от генезиса общностей коллективных сообществ (и их современной политической реализации), но есть рассматривает их как исторически сложившиеся сообщества, реализующиеся через культуру. Его объяснение показывает нам связующие факторы: нация — это комплекс взаимосвязей. Становление общности отвергает любое атомистически-индивидуалистическое объяснение общества как только суммы индивидов. Поэтому Бауэр и критикует, встречая непонимание со стороны Каутского, либеральную концепцию пражданского общества, которое рассматривается как сумма граждан и в общем имеет тенденцию быть сведенным к нации. Со своей стороны — не без уступок некоторому социальному органицизму — он прибегает к принятому у немцев разделению (которое, в частности, взял на вооружение Фердинанд Тённис) между обществом и сообществом: коллективная ассоциация поддерживает чувство при-

надлежности, которое и составляет национальную идентичность.

Таким путем Бауэр отказывается от формулировок, в которых суммируются все критерии, используемые немарксистскими авторами, в частности от формулировок «итальянских социологов», цитируемых Ф. И. Нейманом в работе «Нация» («Volk und Nation»), опубликованной в Лейпциге в 1888 году, и критически использованных Бауэром. «Здесь остается противопоставить нашей теории нации исследования тех авторов, которые установили определенное количество элементов, составляющих нацию (так считают из-за их совпадения). Итальянские социологи считают такими элементами общность: 1) территории, 2) происхождения, 3) языка, 4) обычаев и традиций, 5) опыта и исторического прошлого, 6) законов и религии. Вполне очевидно, что эта теория объединяет целую серию характеристик, которые вовсе не следует смешивать в одну кучу, но которые можно понять, лишь когда они находятся во взаимозависимости. Абстрагируясь от предполагаемого первого элемента, то есть от общности территории, и от группы других элементов, мы подходим к пятому — общности истории».

Сталин пойдет противоположным путем, исходя из формулировки об «исторически сложившейся устойчивой общности», но не давая исторического объяснения способов объединения. Он просто выбирает характерные черты, выстраивает их одну за другой и объявляет их необходимыми признаками нации.

В конце книги Бауэр упоминает Реннера, однако бегло, несмотря на искажение его мыслей в русском переводе и критику со стороны большевиков. В действительности же расхождения между этими двумя австромарксистами весьма основательны. Реннер — юрист, и он стремится спасти австрийскую империю. Он не говорит или почти не говорит о нации, которая для него является попросту категорией естественного права. Еще меньше внимания уделяет он национальности, которую рассматривает как сообщество граждан. Для него национальный вопрос — это проблема, относящаяся к сфере государственного устройства, и в своих работах на эту тему, среди которых следует упомянуть «Борьбу национальностей в Австрии за государство» (1902), с помощью искусственных юридических конструкций он предлагает некоторые проекты реформы имперской конституции, предусматривающие определенные гарантии для национальных меньшинств. Он скорее формулирует теорию нации, а не национальности, и понимает ее как органическое целое, а Бауэр полемизирует против того, что ему кажется «атомизированным государством».

Бауэр переписывался с Каутским еще во время работы

над своей книгой, а затем дискуссия между ними развернулась на страницах «Нойе цайт» и в австромарксистском журнале «Дер кампф». Она продолжалась и после войны, вплоть до написания Бауэром его предисловия к переизданию 1924 года, где он прямо признает влияние неокантианства и Туган-Барановского. Вскоре у них обнаруживаются расхождения и в вопросе о балканских национальностях, чьи выступления подтверждают тезисы Бауэра, хотя он и принимает идею федерации. Аннексия Австрией Боснии-Герцеговины в 1908 году вызвала сильное недовольство южных славян. Бауэр не доверял комбинациям государственного порядка и предвидел, что национальности не смогут не следовать своей судьбе. Каутский в это время вновь возвращался к старому проекту «малого интернационала» партий и федераций государств.

Тем не менее Каутский приветствовал Бауэра как «первого исследователя, который, в частности, подошел к национальному вопросу по-марксистски»; у Реннера он компетентно, но довольно недоброжелательно отмечал «лассальянскую точку зрения», свойственную юристу, рассуждающему о государстве, в то время как Бауэр — с его точки зрения — обладал «марксистским взглядом экономиста». Во всяком случае, критика Каутского обращена против концепции национального общества, которой, по его мнению, Бауэр приписывал слишком большой вес и жизнестойкость. Защищая собственное определение нации как «преходящих социальных отношений», он считал, что историческое значение нации выводится из политической организации и что только язык является культурной реальностью и обладает очень длительной жизнестойкостью. Он, однако, не считал, что можно говорить об общности характера и не говорить об общности культуры. Даже национальность, определяемая с лингвистических позиций, — явление преходящее, тем более что у всех языков есть тенденция к унификации и лингвистической интернациональной задаче.

Бауэр отвечал, что в итоге все примерно сводится к проводимому им самим различию между обществом и сообществом, возвращаясь к классическому ограничению нации рамками политического общества, тяготеющего к государству. Взяв на вооружение элементы теории Каутского, Бауэр мог бы продемонстрировать, что эта национализация государства осуществляется через государственную школу и государственный язык, а также через национализм интеллигенции, выступающей в качестве государственной бюрократии. И он сожалел, что не мог продолжить работу в области социологии общественных формаций, которая явилась бы марксистским ответом на этот вопрос.

Таким образом, Бауэр отлично видел центральный пункт

расхождений: не удовлетворенный различием между экономической базой и надстройкой, он стремился изучить коллективные формы, поддерживающие различие культур и идеологических представлений. Каутский же обращал внимание только на экономические формации, не дающие возможности социально-политического анализа. Вебер пришел позднее к тому же выводу, восстановив различие между обществом и сообществом и создав политическую социологию, которая в какой-то части отходила от марксизма. Еще один пункт расхождений с тем, кого Бауэр называл своим «почитаемым учителем», касался упрощения социальных отношений и сведения культуры к лингвистическим явлениям. Если его понятие культуры включало и функцию языка, то язык не мог рассматриваться как единственный посредник в социально-культурной наследственности. Реальные же разногласия начинались с того, какое значение придавалось национальной культуре. Бауэр считал, что социализм способствует ее развитию, а Каутский, опираясь на свою концепцию экономического эволюционизма, способствующего исчезновению национальностей и интернационализации культуры, прииожал ее значение. Поскольку нация — что-то весьма преходящее, Каутский мечтал о крупных федеральных государствах, которые должны присоединиться к крупным национальным государствам Запада и Соединенным Штатам России, чтобы образовать Соединенные Штаты Мира.

Именно эта критика Каутского, который снова обратился к примерам Швейцарии, Бельгии и Соединенных Штатов, явилась основой полемики с Лениным, который противопоставил «историко-экономическую» концепцию Каутского «культурно-психологической» концепции Бауэра, из которой могли черпать свои доводы сторонники автономии. Именно по вопросам автономии начнет дискуссии Роза Люксембург, и на отказе от нее будут сконцентрированы все усилия большевиков. «Перед пролетариатом стоит задача не изменения политической географии капиталистических государств, а скорее организации на географической и политической основе, переданной ему историей, с тем чтобы завоевать власть и создать социалистическую республику». Это заявление Розы Люксембург на Парижском конгрессе Интернационала в 1900 году ясно характеризует ее позицию. Продолжая утверждать, что независимость Польши — это уже пройденная цель, она всю свою энергию борца применяет, с одной стороны, в германской социал-демократии, а с другой — в руководстве своей партией (СДКПиЛ) с перспективой революционного преобразования Российской империи и ее уничтожения, которое сделает возможной автономию национальностей. Таким образом, она продолжает защищать культуру народа, борясь против германизации польских трудящихся, как рань-

ше она боролась против их русификации. Если ее борьба направлена против любого национализма, начиная с польского, который защищала ПСП, то она выступает и против денационализации рабочего класса. В 1900 году она публикует на польском языке брошюру «В защиту национальности», за что была осуждена прусскими властями. Она борется за поляков Силезии, за их право на собственный язык, собственные школы, собственную печать с таким упорством, что это вызывает беспокойство даже немецкой социал-демократии.

Именно эти позиции она отстаивает в некоторых статьях, опубликованных на страницах партийного журнала СДКПиЛ в 1908—1909 годах, под общим названием «Национальный вопрос и автономия»¹. (Статьи написаны после изучения Бауэра, однако Люксембург избегает его цитировать.) В соответствии с ее последовательной позицией, связанной с идеей единого развития классовых отношений, принцип культурной автономии не основывается на определении национальности или теории нации. Полемически намекнув на тезисы Бауэра («очень странно слышать постоянные разговоры об исключительно национальной культуре и предлагать в качестве цели социализма национальную культуру народным массам»), она замечает: «Каутский, насколько мне известно, впервые в социалистической литературе последнего времени формулирует историческую тенденцию, направленную в основном на уничтожение существенных различий [модели] социалистической системы и на унификацию цивилизованного человечества в единой нации». По ее мнению, принятие культурной автономии в условиях империализма и всемирного углубляющегося кризиса при наличии революционной ситуации, сложившейся после 1905 года, отвечает трем основным целям: 1) культурная автономия — это аргумент борьбы против всех проявлений национализма; 2) это также отказ от этатизма, связанного с национальной концепцией, который прикрывается правом на независимость, чему, как она подозревала, симпатизировал Каутский; 3) это отрицание политического централизма, который большевистская фракция РСДРП хотела навязать с помощью своих уставов и программной статьи, призывающей к самоопределению, и возвращение к критике в адрес Ленина в статье «Организационные проблемы русской социал-демократии», опубликованной на страницах «Нойе цайт» еще в 1904 году.

Розе Люксембург удается даже использовать Каутского против него самого при анализе обострения национализма и подъема милитаризма в европейских государствах. Протекционизм, осужденный теоретиками немецкой социал-демокра-

¹ См. сокращенный перевод в публикации: *R. Luxemburg. Scritti scelti*, p. 259—315 (две последние цитаты — на страницах 288—289 и 290).

тии, показывает, насколько реакционным стал буржуазный национализм, но он становится также и агрессивным, поскольку передает интересы государства в руки империалистического экспансионизма. Отсюда и полемика Люксембург, направленная против идеализации Каутским крупного государства, и, наоборот, восхваление автономии, демократической в своей основе, поскольку она отрицает единое государство, к которому стремятся сторонники независимости и права на самоопределение. Национального государства уже не существует: оно могло соответствовать периоду восхождения буржуазии, и пролетариату не стоит его возрождать. В том же, что касается России, Люксембург возвращается к своей мысли о федеральной республике, которая с помощью автономии гарантировала бы многонациональную демократию. В 1906 году на Стокгольмском конгрессе РСДРП Бунд и СДКЛиЛ приблизились к русской социал-демократии именно потому, что там не вставал вопрос о самоопределении и централизме. Битва вновь возобновилась опять-таки по инициативе Розы Люксембург и вездесущего Каутского. И вновь дискуссия по этому вопросу перекинулась на Россию.

10. Революционный централизм и право на самоопределение, или национальная автономия и демократия

Труд Бауэра не был продолжен, и даже распространение его книги из-за ее объема оказалось ограниченным. Впоследствии она стала известной в основном в отрывках, как это было с русским переводом, изданным Социалистической еврейской революционной партией (СЕРП). Поэтому аналогии с другими позициями следует рассматривать как результат не столько непосредственного знания вопроса, сколько параллельного развития. Сюда относится позиция Жореса, чье понимание нации развивается благодаря историческому рассмотрению формирования французской нации, завершившегося в ходе Великой революции¹. Он также считает, что существует национальное сознание, сформировавшееся на базе культурного наследия и переросшее в политическую традицию. В обоих книгах «Социалистическая история Французской революции» и «Новая армия», где он называет «страстным высказыванием» фразу Маркса: «Рабочие не имеют отечества», он смешивает нацию с демократией и в этом видит смысл революций 1848 года: «Было невозможно бороться против европейской реакции, не создав в то же время, вопреки ей и против нее, наций и демократий». Нацию нельзя свести к буржуазному либерализму, она явля-

¹ О Жоресе см.: S. Sand. Jaurès et la question nationale. — In: "Pluriel—débat", 1977, № 12.

ется исторической формой, имеющей законную силу для всех народов. Коллективная идентичность и совместная жизнь касаются всех классов, и прежде всего через них передается культурный капитал, к которому должен иметь доступ пролетариат и который он впоследствии освоит. Таким образом, социализм, которому угрожает опасность растерять это культурное наследие, охватывая огромное количество группировок или территорию обширной империи, должен «действовать так, чтобы создать новую и лучшую родину». Отрицание родины — это только уход в абстрактный интернационализм; интернационализм должен основываться на равенстве наций.

Жорес ближе к Бауэру в том, что обращает все большей больше внимания на многообразие культур, принимая в расчет и неевропейские народы. Но все-таки параллель здесь не к месту, поскольку он, как и многие другие социалисты, говоря о нации, никогда не претендовал на выработку теории вообще и в еще меньшей степени — марксистской теории в этом вопросе. Во всяком случае, тут можно было бы сослаться на многие высказывания, свидетельствующие о путях синтеза или компромисса между интернационализмом и патриотизмом в попытке противостоять милитаризму. Отзвуки этого мы находим во всем Интернационале: у Христиана Раковского («в некотором смысле даже самый интернациональный социализм идет национальным путем»); у социалистов молодых социалистических партий Балканских стран, сформировавшихся как раз в годы военного кризиса (1912—1913); в различных партиях Западной Европы, пытающихся сопротивляться националистическому разгулу с помощью двусмысленных формул, не проясняющих национальных противоречий. Но именно эта теоретическая слабость оставляет место для инициатив разного рода социализмов Центральной и Восточной Европы. В Австрии больше, чем в Германии, интернационалисты-радикалы — особенно Штрассер и Паннекук — пытаются создать линию обороны против разрастания национализма, а в России марксисты вновь начинают дискуссию по национальному вопросу.

Непримиримый интернационализм занимает оборонительные позиции, как об этом свидетельствуют две брошюры: «Рабочий и нация» Иосифа Штрассера и «Классовая борьба и нация» Антона Паннекука, опубликованные в 1912 году в Либереце (бывший Рейхсвербер), в Чехии — области острейших конфликтов и националистической борьбы между чехами и немцами¹. В этих брошюрах дается ответ Бауэру, чей

¹ См. французский перевод в: *J. Strasser e A. Pannekoek. Nation et lutte de classe. Paris, 1977.*

труд, как считает Штрассер, подмочен национализмом и вдохновлен вульгарным социал-демократическим культурализмом, а по мнению Паннекука — «национальным оппортунизмом». Любая уступка в этой области ведет к отказу от социализма. На глазах у Штрассера, главного редактора рейхенбергской социал-демократической газеты «Форвертс!», в Чехии ежедневно происходит национальное разделение в рабочем движении; в Австрии чешские профсоюзы разрушают профсоюзное единство, в Моравии раскол поражает саму партию. Все это вынуждает Штрассера поставить под вопрос организацию социал-демократии по федеральному признаку и высказаться за образование единой партии, которая «собрала бы вместе все силы пролетариата; национальная автономия, о которой говорят сепаратисты, — это просто химера». Еще в 1909 году он писал, что «единство — высшее достояние партии». Но, по сути дела, он борется против австро-немецкого национализма, тенденции, которую воплощал сам председатель социал-демократической парламентской группы Энгельберт Пернершторфер, близкий к Карлу Реннеру, только что опубликовавшему книгу «Немецкий рабочий и национализм. Очерки о величии и силе немецкой нации в Австрии и о национальной программе социал-демократии» (1910).

Выступая против Реннера, Штрассер легко доказал, что аргументом о национальных интересах и о национальном величии прикрывается опасная вещь — немецкий национализм, но, споря с Бауэром, он оказался в затруднительном положении и был вынужден вернуться к оценке интересов пролетариата с позиций «Манифеста», где нация определяется как буржуазная категория, за исключением случая иноземного гнета. Он берет каждый элемент из тех, которые якобы составляют национальную общность, в отдельности, чтобы удобнее было их разбить: родная земля, национальное чувство, национальный характер. В отношении языка замечания Штрассера дополняют указания Каутского о пролетариате умственного труда. Для «трудящихся», или «профессионалов языка», национальные требования являются требованиями социальными, поскольку открывают им возможности в социальном плане: национальная интеллигенция по своим тенденциям националистична, ибо она — кандидат на многочисленные общественные должности, а государство она называет нацией, чтобы добиться народной поддержки.

Подмену государства нацией осуждает также голландский «трибун» Паннекук, ставший вместе с Радеком одним из теоретиков «бременских левых». Он принимает у Бауэра историческую трактовку нации, но лишь с целью превратить ее в еще более преходящее явление («для нас нация — это эпизод в бесконечном прогрессивном процессе эволюции че-

ловчества») и с тем, чтобы более обстоятельно раскритиковать выводы, касающиеся будущего культурной общности. В его представлении государство в перепекутиве исчезнет и будет «заменено децентрализацией и широкой административной автономией». Некоторое время еще будут существовать лингвистические сообщества, в свою очередь обреченные на исчезновение. «Экономическое единство не государство, не нация, а мир». Исходя из своего опыта западного европейца, Паннекук видит в национализме государственную идеологию: с помощью государства буржуазия пытается навязать пролетариату свою идеологию и благодаря тому же государству навязывает свою империалистическую политику. Слабость Паннекука в постановке вопроса с классовых позиций заключается именно в отказе от анализа всего того, что есть национального — и что он как раз считает националистическими проявлениями в национальном движении угнетенных и разделенных народов. «Национальный феномен — это не что иное, как буржуазная идеология, которая исчезнет с развитием классовой борьбы... Как всякая буржуазная идеология, она является препятствием для классовой борьбы». На это Бауэр отвечает так: «То, в чем мы нуждаемся сегодня, — это не дискуссия о сути нации... а дискуссия о том, какую позицию пролетариат должен занять по отношению к национальной борьбе, которая ведется среди буржуазии».

В итоге Штрассер и Паннекук «снабдили боеприпасами» Ленина и Сталина, особенно Штрассер — Сталина. Борьба за автономию продолжалась в России прежде всего благодаря Розе Люксембург, чья ненависть к национализму возросла с ростом милитаризма, или, выражаясь ее же словами, империализма. Но, поднимая национальный вопрос, она проводит различие между службой интересам государства, то есть национализмом (государство, по ее мнению, — это система централизованного угнетения, против которой борется пролетариат и которая является противоположностью автономии — орудия демократии по отношению к государственному централизму), и национальностью, культурным явлением, для которого необходимо сохранить свободу выражения и полное развитие которого будет гарантировано революцией. Основа самоопределения национальностей — самоопределение пролетариата. Роза Люксембург, как и Бауэр, убеждена, что только международный социализм в состоянии создать свободные нации, равноправные и независимые. В начале войны она даже сожалела о том, что не нашла лучшего применения принципу самоопределения, чем использование его как орудия освобождения (приближаясь, таким образом, к ленинской позиции). В знаменитой брошюре «Кризис социал-демократии», изданной под псевдонимом Юниус в 1916 году, она указывает на то, что одной из причин краха II Интер-

национала была капитуляция перед национализмом входящих в него партий («патриотическое опьянение масс») ¹. Только международный социализм «может реализовать право народов на самоопределение... Пока существуют капиталистические государства, особенно пока мировая империалистическая политика определяет и формирует внутреннюю и внешнюю жизнь государств, право на национальное самоопределение не имеет ничего общего с практикой ни во время войны, ни в мирное время» ².

В этом состоял также смысл ее борьбы против уставов и программы большевиков, против пункта, в котором отслаивалось право на самоопределение, и в ущерб своему анализу государства она все резче критиковала эти тексты, стремясь к централизму в партии и отказываясь от федеральности, которая подразумевала свободное разделение на государства, объединяемые центром. По мнению Люксембург, автономия — вот основа демократии. Для нее это также средство обойти проблему независимости Польши, поскольку эта цель превращает польский социализм в национализм с социалистическим акцентом. Довольно близко подходит к этой мысли Ленин, когда утверждает, что марксистское отношение к данному вопросу состоит в защите равенства наций и их языков с одновременным сохранением принципа интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом.

Позиция Ленина накануне империалистической войны кажется нам, таким образом, целиком обусловленной стратегическими соображениями. Право на самоопределение — это удовлетворение «в принципе» национальных буржуазных движений, направленных против угнетения и поэтому наполненных «демократическим содержанием». Это агитационный лозунг, подрывающий национализм, и прежде всего господствующий, такой, как великорусский, о котором, по мнению Ленина, Роза Люксембург забыла в своей полемике с польскими социал-патриотами. А значит, это средство для того, чтобы привлечь на сторону пролетарской партии национальные силы, которые — от Восточной Европы до Востока — поднимаются против режимов угнетения. Ленин пишет, что «политика пролетариата в национальном вопросе (как и в остальных вопросах) лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении... Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их безуслов-

¹ R. Luxemburg. La crisi della socialdemocrazia. — In: R. Luxemburg. Scritti politici. Roma, 1967, p. 449.

² Ibid., p. 517—518.

но. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы. Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в *обоих случаях* обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинуть его задачи перед задачами «своей» нации. Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания *права* на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего *нашим* другой нации»¹.

В полемике с Розой Люксембург весной 1914 года Ленин вновь обвиняет ее в том, что она *выпадает* в «грех метафизичности» и «абстрактности» (это обвинение содержалось еще в русской программе самоопределения народов 1903 года). Он признает, что его политическая позиция, может быть, и «непрактична», но, «будучи враждебны всякому национализму», «пролетарии требуют «абстрактного» равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий». В общем, дело идет об объявлении таких прав, как равенство человека и гражданина, но применить их — как покажут война, послевоенный период и движение за национальное освобождение — можно будет только после изменения соотношения сил в результате войны и повстанческих выступлений. Право на самоопределение — это орудие политической борьбы.

Впрочем, Ленин не вырабатывает собственной концепции нации. По крайней мере для него нация сама по себе имеет ценность лишь как орудие борьбы: «Интересы рабочего класса и его борьбы против капитализма требуют полной солидарности и теснейшего единства рабочих всех наций, требуют отпора националистической политике буржуазии какой бы то ни было национальности. Поэтому уклонением от задач пролетарской политики и подчинением рабочих политике буржуазной явилось бы как то, если бы с.-д. стали отрицать право самоопределения, т. е. право отделения угнетенных наций, так и то, если бы с.-д. взялись поддерживать все национальные требования буржуазии угнетенных наций»². Полемизируя с Розой Люксембург, Ленин соглашается с Каутским в том, что национальное государство — это закон и норма капитализма и его образование соответствует буржуазно-демократическому этапу развития. Именно потому, что эта фаза еще не завершена — даже в эпоху кризиса капитализма — в странах Восточной Европы, и особенно в России из-за существования царизма, национальное движение Вос-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 273—274.

² Там же, с. 288.

тока положительно отличается от реакционного национализма империалистических государств. Задача социал-демократии в России — одновременно осуществить демократическую революцию и революцию социалистическую: впоследствии это придаст непрерывный характер революции 1917 года, хотя этот тезис и появится лишь весной того же года и подтолкнет самого Ленина к тому, чтобы — в размышлениях о проблемах демократической революции — вновь поставить на обсуждение свое учение о государстве (в «Апрельских тезисах» и «Государстве и революции»).

Для Ленина нация по сути неотличима от государства. Он повторяет это вместе с Каутским и отдает предпочтение крупным государствам, которые разрешают национальный вопрос, ссылаясь на древнюю историю. Полемизируя с бундовцами, поднявшими «вопрос об ассимиляторстве, т. е. об утрате национальных особенностей», он подчеркивает, что «развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе». Первая — «пробуждение национальной жизни и национальных движений», вторая — «ломка национальных перегородок». Осуждая ассимиляцию, Бунд ссылается на «всемирно-историческую тенденцию капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* нации, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм». Такая постановка вопроса должна служить оправданием позиции большевиков в РСДРП во имя марксизма: «Марксисты... относятся враждебно к федерации и децентрализации — по той простой причине, что капитализм требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных государств. *При прочих равных условиях* сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий, на которых бы могла широко развернуться борьба пролетариата с буржуазией... Но, пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в каком случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации. Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как *через* такое государство (*неразрывно* связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму»¹.

Демократическая альтернатива, указанная в программе

¹ Там же, т. 24, с. 143—144.

партии, в отношении реорганизации Российской империи, считавшаяся идеальной основой для экономического и политического развития пролетариата, состояла в «региональной автономии», основанной не на национальностях, а на административных округах, где можно было осуществлять политические права и проводить всеобщие выборы. Выступая против общей тенденции смешивать «демократический централизм... с произволом и бюрократизмом», Ленин утверждал, что, напротив: «Демократический централизм не только не исключает местного самоуправления с автономией областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т.п., а, напротив, необходимо требует и того и другого... нельзя себе представить современного действительно демократического государства без предоставления такой автономии...»!

Такова была линия, определенная «Резолюцией по национальному вопросу», принятой в мае 1913 года конференцией ЦК РСДРП, а лучше сказать, фракцией большевиков, которая одновременно требовала «безусловного единства и полного слияния рабочих всех национальностей во всех рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительских, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму»².

Лишь позднее Ленин решился перейти в атаку по существу против позиции Розы Люксембург по вопросу об автономии, что было видно уже по его статье «О брошюре Юниуса» (июль 1916 года), но, в общем, он развертывает полемику против всех сторонников национальной автономии разного типа, территориальной или культурной, и сторонников федерации. Начиная с 1911 года большевики отделяются по национальному вопросу от меньшевиков, которые до тех пор были согласны с ними в неприятии двойственного решения — и федерации, и автономии. Необходимо учесть характер отношений с другими российскими социалистическими партиями и ситуацию, сложившуюся в связи с дискуссией по национальному вопросу, охватившей в 1912 году даже самую IV Думу. Практически большевикам было важно привлечь к себе выразителей национальных устремлений, и это объясняет их сплоченность вокруг лозунга самоопределения в период 1912—1914 годов.

После поражения революции 1905—1906 годов стала вырисовываться изоляция большевиков в результате сближе-

¹ Там же, с. 144.

² Там же, с. 119. См.: H. Carrère d'Encausse. Unité prolétarienne et diversités nationales. Lénine et la théorie de l'autodétermination. — In: "Revue française de science politique". XXI, 1971, № 2

ния Бунда с Социалистической еврейской революционной партией (СЕРП) и появления возможности образования в России — в связи с внетерриториальной автономией — «малого Интернационала» социалистических партий, включающего, кроме двух еврейских партий, польско-литовскую партию (СДКПиЛ), латышскую социал-демократию и часть армянских социал-демократов. Эти политические группировки, к которым примыкали социалистические украинские течения, положительно относившиеся к перопактиве автономии, могли объединиться с меньшевиками и вступить в контакт с эсерами. От такого проекта отказались в 1911—1912 годах, и вместо него появилось неустойчивое сожитительство Бунда и СДКПиЛ с РСДРП. Это был своего рода инкубационный период, когда вызревало множество идей, особенно пущенных в оборот бауэровских идей по национальному вопросу и культурной автономии, и одновременно трудный для рабочего движения период реакции, наступившей после 1905 года. Только в начале 1912 года, когда стали возрождаться национальные движения и социалистические тенденции — не говоря уже об обострении национализма, возникшем между прочим из-за балканских войн, — вновь открываются дискуссии и споры в связи с созывом конференции РСДРП в январе 1912 года. Национальные социалистические партии на конференции не присутствовали. Меньшевики отделились, и их закрепили как «ликвидаторов». Бунд порвал отношения с РСДРП. Именно тогда в определенной степени и сформировалась большевистская партия на основе партийного централизма и осуждения национальной автономии. Но реальное национальное движение — не только еврейские рабочие, но и большая часть рабочего движения Кавказа, которое перешло к координации своих действий на «конференция блока» в августе 1912 года, — вышло из-под влияния большевиков. Кавказский союз, опора большевиков, вступил в контакт с Кавказской федерацией, в которой объединились другие социалистические течения и которая проявила явный интерес к национальной автономии, вплоть до того, что потребовала поставить вопрос об автономии в повестку дня новой организационной конференции РСДРП¹.

Ответные действия большевиков разворачиваются, таким образом, в двух планах: ведутся и организационные бои, и политическая полемика. Это характерно для всей практической деятельности Ленина. На IV конференции латышской социал-демократии он критикует требования культурной автономии и затем ведет такую же атаку внутри польской соци-

¹ См.: *C. Weill. Les théories austro-marxistes et le débat sur l'autonomie culturelle dans la social-démocratie russe (1912—1914)*. Сообщения на коллоквиуме "L'expérience soviétique"

ал-демократии, а на «летнем совещании» ЦК РСДРП в сентябре 1913 года ему удается навязать резолюцию по национальному вопросу, дополняющую программу 1903 года. В этой резолюции он особенно выделял право «угнетенных царской монархией наций на самоопределение» в рамках централизованного государства, которое является предпосылкой областной автономии. Подчеркивалось также, что «вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросам о целесообразности отделения той или иной нации». В то же время всем партийным организациям, прессе и т. д. предлагается «подробнее освещать... национальный вопрос» с целью ответить на «попытки кавказских с.-д., Бунда и ликвидаторов отменить программу партии...»¹

Одним из первых на это отозвался Сталин — именно потому, что он был свидетелем столкновений на Кавказе и очень внимательно следил за полемикой с Бундом. К тому же он недавно вернулся из Вены после кратковременного пребывания там, в течение которого имел возможность познакомиться с брошюрой Штрассера. Эту брошюру он систематически использовал. Однако он был не единственным, кто выступил. В марте 1913 года под псевдонимом Н. Скопина с Бундом полемизировал, вероятно, Зиновьев на страницах «Провещения», тогдашнего большевистского ежемесячника, в котором впоследствии была опубликована статья Сталина, в конце того же года ленинские «Критические заметки по национальному вопросу», а весной 1914 года — статья «О праве наций на самоопределение». Война прервала ширившуюся между всеми социалистическими движениями дискуссию. Армянский большевик С. Г. Шаумян, который еще в 1906 году опубликовал брошюру «Национальный вопрос и социал-демократия», находясь в ссылке в городе Астрахани, вновь начал дискуссию с социалистами Кавказа, опубликовав брошюру «О культурно-национальной автономии». Затем Троцкий в марте 1914 года на страницах «Борьбы» напечатал статью грузинского меньшевика Жордания (Ан), выступавшего против Сталина в поддержку тезиса Бауэра о национально-культурном развитии, живо критикуя всяческое сведение национальной культуры к культуре буржуазной. В то время Троцкий ограничился высказываниями австромарксистского порядка. Он выступал за установление «в государстве условий, гарантирующих мирное сосуществование национальностей на общегосударственной территории и обеспечивающих каждой из них свободу культурного развития». Когда в последующие годы к моменту объединения левых социалистов России Троцкий вновь вернулся к национальному вопросу, он выступил за национальное государст-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 57—59.

во с позиций, весьма близких к точке зрения Каутского в том, что касается его экономических объяснений и проекта Соединенных Штатов России и Соединенных Штатов Мира¹.

От всей этой дискуссии остались лишь статья Сталина и выступление Ленина, которые, как считают, дополняют друг друга. Не говоря об уже тогда проявившейся способности Сталина к предельному упрощению, которая дает ему возможность излагать предмет менторским тоном, перечисляя и объясняя национальные черты, необходимо подчеркнуть, что его оригинальность идет от источников: это Каутский и Ленин, а точнее, все то, что ему известно из анализа Каутского, сделанного в статье о национальном вопросе на Кавказе (перевод Медема), и из цитат австрийских социал-демократов, почерпнутых из статей Бунда или услышанных во время дискуссий тех лет, а также позиции Ленина и Штрассера. Основной точкой опоры Сталин считает необходимость единой пролетарской партии для большевиков. И исходя из этого постулата, он тут же вступает в полемику со сторонниками национальной автономии, а тем более — федерализма, хватаясь за бундовские программные документы внетерриториального порядка да и за объяснения самого Бауэра, в частности по еврейскому вопросу. Бауэр действительно трактует эту проблему в двух главах и показывает, что еврейская культура национальна, тогда как еврейский вопрос — нет или по крайней мере не может быть разрешен с национальных позиций. От Сталина ускользает смысл этих внутренних противоречий, социальных и культурных взаимосвязей. От имени социал-демократии Кавказа и русской социал-демократии и во имя пролетариата он выступает против федерации в любой формулировке, вновь и вновь настаивая на принципе права наций на самоопределение. Следует отметить, что в своей статье Сталин постоянно говорит о нациях, а не о национальностях. Если Каутский разделяет эти два понятия и мечтает о «федеральном государстве национальностей», то Сталин говорит о нации и о территориальном государстве.

Все, что есть ценного у Каутского и Люксембург (которую Сталин не упоминает), вместе с принципом примата классовых интересов, лежит в общей основе марксизма того времени: нация как категория поднимающегося капитализма, образование нации в ходе экономического развития и, естественно, экспансия государства. В отношении Кавказа Каутский показал, что перелом, происшедший в жалких условиях существования на местах, коснулся и национальных

¹ См.: "Pluriel—débat", 1975, № 4.

противоречий, привнесенных эмиграцией рабочей силы. Сталин отдельно рассматривает формирование нации и иммиграцию. Его анализ относится прежде всего к Грузии, которая освобождается от древней замкнутости, чтобы сформироваться в нацию, низводя до положения национальных меньшинств другие национальности на Кавказе. Если Сталин и вспоминает об эмигрантах, то рассматривает их как людей без национальных корней, рабочих и безработных, которые, будучи безземельными, утрачивают национальность. Это настоящие пролетарии без родины, и их удел — ассимиляция при переселении на другую национальную территорию. Если Каутский отмечал плюрастические условия — правда, с тем чтобы сделать упор на их недолговечности — и если это еще весьма далеко от бауэровского анализа экономических условий и последствий миграции в социальном и национальном плане, то у Сталина положение о людях без гражданства может навести на мысль о евреях.

У Сталина, как и у Бауэра, нация — это общность. Сталин напоминает также об «общности психического склада», на которой основывается национальный характер, но он отождествляет с австрийским социалистом, утверждая, что тот «смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической»¹. На самом деле для Бауэра все формы общности исторические, и нация — это итог постоянного процесса взаимосвязи и перестройки социальных формаций. Но именно дискуссия об общности культуры особенно упрощается Сталиным, который разделяет национальную культуру по классовому принципу, исключая, таким образом, проблему национального и классового сознания, как это делал Штрассер, призывая к чистоте классического интернационализма. На это противопоставление у Сталина накладывается противопоставление высшей культуры низшим, которое завершается подчеркиванием превосходства евроцентристских культур и которое уже было свойственно ортодоксальному марксизму. Именно прогрессом высшей цивилизации Сталин оправдывает забвение национальных культур; также необходимость в больших территориях для государства ведет к исчезновению отсталых культур. Отсталость крестьянства компенсируется социалистической революцией. Сталин замечает, правда мельком, что «осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный»². Возникает мысль, что аграрный вопрос превалирует даже над интересами пролетариата или по крайней мере является основным согласующим фактором. Здесь Сталин говорит о разнице в национальных дви-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, с. 301.

² Там же, с. 318.

жениях на Востоке и на Западе: необходимо вывести Россию из состояния варварства и покончить с условиями мушкетерского существования.

Что же касается языковой проблемы, позаимствованной у Каутского, который, опираясь на нее, вел серьезную дискуссию с Бауэром о будущем национальных культур, Сталин считает язык одной из составных частей нации, но в то же время и составной частью национализма, поскольку при отсутствии лингвистического единства (как, например, в случае с эмигрантами и евреями) национальность исчезает и уступает место территориальной национализации, а язык рассматривается как государственный. Каутский предлагал установить федеральное государство, по возможности основываясь на автономии лингвистических территорий. Когда же Сталин в конце своей статьи подходит к областной автономии, включенной в пропрану большевиков, он представляет ее как территориальную администрацию на практике, в том числе и для различных наций, составляющих Российскую империю. С исключительной ясностью он излагает способ использования языка, то есть компенсацию, которую необходимо дать национальностям взамен их интеграции в централизованном государстве: «Единственно верное решение — областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п. Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории. Затем, она не межит людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок, — наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межвания другого рода, межвания по классам... Нет сомнения, что ни одна из областей не представляет сплошного национального единообразия, ибо в каждую из них вкраплены национальные меньшинства. Таковы евреи в Польше, латыши в Литве, русские на Кавказе, поляки на Украине и т. д. Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетены национальными большинствами. Но опасения имеют основание лишь в том случае, если страна остается при старых порядках. Дайте стране полный демократизм — и опасения потеряют всякую почву... Что особенно волнует национальное меньшинство? Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком, — и недовольство пройдет само собой»¹.

Уместно было бы сказать, что после 1934 года Сталин уступает национализму русского языка, и этот лингвистичес-

¹ Там же, с. 361—363.

кий национализм проявляется в последний раз в дискуссии о Марре в 1951 году («Марксизм и вопросы языкознания»). По мнению Сталина, язык долговечнее надстройки, будучи передаточным звеном, которое пронизывает следующие один за другим способы производства. На самом же деле в данном случае его преэминентность связана с передачей государственности от Российской империи Советскому Союзу. Именно благодаря языку нация представляет собой историческую категорию.

Стало быть, и язык служит основополагающим элементом при определении нации, которая «есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹. Таким образом, у нации своя база в прошлом, то есть своя история, о которой может заранее позаботиться только государство. И тут мы возвращаемся к различию между государственным нациями и «народами без истории». Вероятно, именно поэтому Сталин прибегает к термину «общность», заимствованному у Бауэра, но в этом случае отнесенному к давно прошедшему времени, тогда как ни Каутский, ни Ленин его не употребляют, а даже отрицают. Для них нация — это временная единица политической организации (Протей Каутского), момент истории капитала, причем для Ленина она еще в большей степени, чем для Каутского, соответствует демократической стадии буржуазного развития. Отсюда и ее значение, уже не актуальное для Запада, но актуальное для России и угнетенных стран, составляющих слабое звено той цепи, в которой национальный вопрос служит достижению демократии и, стало быть, может иметь значение для создания союзов в ходе пролетарской революции, если партия сумеет определить его потенциальные возможности, не снисходя до уступок.

В стратегической концепции Ленина присутствует мысль также и о неравномерности развития демократии, и в этом заключается демократический смысл шва народов на самоопределение. Сталин, наоборот, упорно настаивает на нерушимости нации, которая, по его мнению, всегда является субъектом истории, и когда он говорит о праве наций на самоопределение, то утверждает, что нации имеют полное право организовать все так, как они этого пожелают; нация — суверенное понятие². Фактически это устойчивая, исторически сформировавшаяся общность, возникшая на общей территории и роковым образом оказавшаяся на территории государства.

¹ Там же, с. 296.

² См. там же, с. 349, 349—351.

Если проанализировать сталинское определение нации, исключая один за другим критерии, объявленные неотъемлемыми, то получится, что главное, обеспечивающее необходимую связь и языковую преемственность, — это территория. Она — единственный фактор, природа которого вызывает исчезновение нации. Без территории не существует устойчивой общности и, стало быть, национального государства. И здесь Сталин выражает свою мысль точно так же, как Борухов: национальная территория — это основа развития классов и основа революционного будущего. И тот и другой — сторонники территориального признака (территориалисты), конструктивисты по сравнению с Бундом и убежденные противники бауэровской концепции национально-культурного развития. Выступая против Бунда, Сталин прибегает к аргументу, который мог бы принадлежать Борухову: «... у евреев нет связанного с землей широкого устойчивого слоя, естественно скрепляющего нацию не только как ее остов, но и как «национальный» рынок. Из 5—6 миллионов русских евреев только 3—4 процента связаны так или иначе с сельским хозяйством. Остальные 96% заняты в торговле, промышленности, в городских учреждениях и, вообще, живут в городах... рассеянные по России...»¹ Нация — понятие крестьянское и территориальное, или же ее не существует. Возможно, земля, основа тех уз в области психики, о которых Сталин говорит весьма приблизительно, — нечто глубоко подсознательное в сталинизме, связанное с идеей осуществления революции, для того, чтобы традиционно аграрная страна смогла обрести государственную помощь и приблизиться к высшей культуре? Сталин — конструктор нации-государства, которое возникнет через революцию в России.

Именно сильный интерес к вопросу о нации придает логичность и силу сталинскому изложению и объясняет, почему его статья смогла послужить движению национальной независимости, как раз оправдывая образование национального государства, возвращая само его существование в историческое прошлое, на ту же территориальную базу, как это свойственно любому национализму, переделывающему историю в рамках государства. Следуя за ортодоксальным объяснением экономической формации Каутским (нация есть «экономическое единство» в отношении рынка), Сталин вносит эту национально-государственную точку зрения в свое толкование исторического материализма.

Вот так сталинский сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос» с 1934—1935 годов становится ключевым текстом для всего коммунистического движения в самых его различных национальных формах — после восста-

¹ Там же, с. 333.

новления «национальных ценностей» благодаря новой политике, направленной против нацизма и фашизма, и он часто будет использоваться партиями и движениями национально-освобождения стран «третьего мира».

Ленинская концепция национального вопроса связана со стратегическими и даже тактическими соображениями, с концентрацией всей энергии на революции в России и на ее орудии — партии. Но идея, которая подвела Ленина к тому, что уже в статье «О праве наций на самоопределение» он выделяет две эпохи и два типа национальных движений, продолжает развиваться, углубляя после 1914 года даже само понятие войны и его взгляд на империализм: «Империализм означает перерастание капиталом рамок национальных государств, он означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе... Поэтому в программе с.-д. центральным местом должно быть именно то разделение наций на угнетающие и угнетенные, которое составляет *суть империализма*...»! Таким образом, Ленин вновь возвращается к особенности, которую Маркс относил единственно к Ирландии (Ленин познакомился с работами Маркса по ирландскому вопросу только в 1913 году), и переносит ее на отношения в мире. Исходя из этого, он может возложить свои надежды на национальные движения Востока и определить задачи III Интернационала. Бесполезно искать в этих работах теорию и даже определение нации, но он говорит, что интернационализм всегда стоит на стороне угнетенных наций и движений национального освобождения.

Поскольку право нации располагать собой наполнилось содержанием в ходе освобождения угнетенных и колонизированных стран, выбор Лениным принципа самоопределения, а не национальной автономии кажется исторически оправданным. Действительно, то, что прежде всего являлось стратегическим планом партии, изменило свое значение и приобрело у Ленина смысл благодаря анализу империализма и значению, которое впоследствии приобрели движения национального освобождения. Это оправдание апостериори повысило ценность ленинских соображений по национальному вопросу и прежде всего сталинской теории нации-государства, перечеркнув, впрочем, все иные соображения и марксистские разработки и, главное, скрыв недостатки, вытекающие из сведения марксизма XIX века к чисто экономическим проблемам и стратегическому упрощению, которое предпринял большевизм в этой области. Значимые коллективные явления и со-

† В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 27, с. 62—63.

циальные сообщества — те комплексы общностных связей, которые пытался прояснить Бауэр, — как и любое проявление культуры, не принимались во внимание: они отступали перед классовой реальностью, разбивались о нее, а сама она выдавалась за единственное и всеобъемлющее явление материализма и даже за прямую гарантию его существования. Впрочем, эти социальные образования остаются как бы средоточием социальной идеологии и социального сознания, в настоящее время одновременно и национального, и политического, этнического или религиозного. Именно в этих областях коллективных идеологий сталкиваются, вновь возникают, пересекаются и обостряются идеологические противоречия и извращения, в эти же области проникают и на них же отражаются результаты идеологических движений предшествующих периодов. Без глубокого социально-политического анализа противоречий между национальным и классовым сознанием, между силой националистических идеологий и их использованием в целях оправдания государства, включая государства «реального социализма», в национальном вопросе сохранится двойственность, препятствующая пониманию национальности и культурного развития, сковывающая марксистскую мысль и подводящая ее к национальной государственности, да и сама теория государства останется в такой же степени неполной. Но это уже следующая история, связанная с тем, что сегодня называется кризисом марксизма, и она может привести к новым раскрепощающим сообщениям.